

КАРИНА ВОЛК

*Ты знаешь,
мама,
он какой.....*

Карина Волк

Ты знаешь, мама, он какой...

«Литнет»

2023

Волк К.

Ты знаешь, мама, он какой... / К. Волк — «Литнет», 2023

– Неважно. Зачем тебе знать? Вы с ней расстались. Она навсегда вычеркнула тебя из своей жизни. И пожалуйста, больше не беспокой ни меня, ни мою дочь. Презрительно поморщился. Валерию с превеликим удовольствием оставлю в покое. А вот Лизу оставить теперь никогда не смогу. Ребёнок навсегда свяжет нас нитью, которая будет прочнее любого металла.— Тебя я беспокоить не собираюсь, — сделал шаг вперёд, максимально приблизившись к Валерии, которая даже не шелохнулась и смело продолжила стоять на месте, прожигая осуждающим, враждебным взглядом. — А вот к Елизавете у меня много вопросов. И основной заключается в том, что она скрыла от меня ребёнка. Женщина обречённо ухмыльнулась.— Ты опоздал. Нет никакого ребёнка. Яростно схватил лживую женщину за плечи.— Не ври. Я знаю, что Лиза беременна. Свирепая, плохо контролируемая ненависть до дна заполняла меня.— Она была в положении, — женщина дёрнулась и, вырвавшись из моей хватки, сделала шаг назад. — Лиза ждала от тебя ребёнка. Всё в прошедшем времени. Ждала. Теперь уже нет.

© Волк К., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1. Платон	5
Глава 2. Елизавета	14
Глава 3. Валерия	20
Глава 4. Платон	26
Глава 5. Лиза	31
Глава 6. Лиза	36
Глава 7. Платон	41
Глава 8. Платон	46
Глава 9. Лиза	52
Глава 10. Валерия	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1. Платон

– Покойся с миром, – повторил я следом за Светланой и бросил горсть земли на опускающийся гроб. – Клянусь, что твоя смерть не останется безнаказанной. Очень скоро в такую же глубокую могилу отправится Спиридонов, – мысленно добавил.

После того как ужасная, болезненная церемония погребения подошла к завершению, Светлана слабо сжала мою руку и подтолкнула вперёд.

– Родная, ты иди с крёстной и Викторией, я скоро подойду.

– Хорошо. Только не задерживайся.

Убедившись, что женщина удалась, стремительно настиг уходящую с кладбища Валерию.

– Лера, нам надо поговорить.

Женщина суетливо поправила чёрный платок и с прискорбным выражением лица посмотрела в мои глаза.

Впервые видел Валерию такой потерянной, глаза стеклянные, полностью потухшие, кожа почти просвечивала, губы подрагивали, по щекам стекали прозрачные слезинки.

Больно. Ей было больно. У Леры есть сердце...

– Прими мои соболезнования.

Женщина медленно помотала подбородком.

– И ты мои прими.

Молча кивнул в ответ.

– Знаешь, здесь на самое лучшее место, но я должен знать. Скажи, где Елизавета?

Пытливо, настороженно взглядывался в глаза Валерии, отчаянно надеясь, что она даст мне ответ.

Понимал, что между мной и Елизаветой всё сложно, но обязан с ней поговорить. Пока в наших отношениях поставлена запятая...А может и точка.

Валерия отрешённо отвела от меня взор.

– Она уехала.

– Что? – Прокричал так, что птицы с деревьев моментально взлетели.

– Ты что кричишь? Забыл, что мы на кладбище.

Озлобленно оскалился.

– Плевать. Вряд ли я здесь какого-то своим криком побеспокою.

Не мог себя контролировать. Проклятая девчонка! Сбежала. Чёрт бы с ней, но она забрала моего ребёнка. Дрянё. Нет у меня времени бегать за ней по всей стране. Б...во. Надо было к ней охрану приставить!

Тело содрогалось. Перед глазами всё плыло. Сбежала. Так легко и просто бросила меня, не позволил даже слова сказать...

Лера приподняла голову и враждебно, с откровенным осуждением заглянула в мои глаза.

– Морозов, ты совершенно не изменился. Прояви уважение к усопшим.

Немного успокоился.

– Хорошо. Ты права. Извини. Так куда уехала Елизавета?

Валерия гневно усмехнулась.

– Неважно. Зачем тебе знать? Вы с ней расстались. Она навсегда вычеркнула тебя из своей жизни. И пожалуйста, больше не беспокой ни меня, ни мою дочь.

Презрительно поморщился. Валерию с превеликим удовольствием оставлю в покое. А вот Лизу оставить теперь никогда не смогу. Ребёнок навсегда свяжет нас нитью, которая будет прочнее любого металла.

– Тебя я беспокоить не собираюсь, – сделал шаг вперёд, максимально приблизившись к Валерии, которая даже не шелохнулась и смело продолжила стоять на месте, прожигая осуждающим, враждебным взором. – А вот к Елизавете у меня много вопросов. И основной заключается в том, что она скрыла от меня ребёнка.

Женщина обречённо ухмыльнулась.

– Ты опоздал. Нет никакого ребёнка.

Яростно схватил лживую женщину за плечи.

– Не ври. Я знаю, что Лиза беременна.

Свирепая, плохо контролируемая ненависть до дна заполняла меня.

– Она была в положении, – женщина дёрнулась и, вырвавшись из моей хватки, сделала шаг назад. – Лиза ждала от тебя ребёнка. Всё в прошедшем времени. Ждала. Теперь уже нет.

Ошарашенно смотрел на женщину.

– Не понял. Она, что сделала аборт?

Истерический смехок сорвался с женских губ.

– Если бы. Я настаивала. Требовала. Даже угрожала, но Лиза отказалась, – теперь уже Валерия сделала враждебный шаг мне навстречу. – Она полюбила малыша. Не смогла сделать аборт. Более того, не посоветовавшись со мной, послушав твою тёткушку пошла к тебе, чтобы сообщить «радостную» новость. И что же она увидела?

Тяжело задыхался.

– Что она увидела? Когда Елизавета приходила ко мне? Ты бредишь.

Валерия утруднено покривила губами.

– Лиза увидела, как ты, не отходя от рабочего места, трахаешь свою секретаршу.

Сердце покрылось морозной, непробиваемой коркой... Душа почернела... Б...ь! Чёрт! Подался мимолётному желанию и поплатился. Невольно вспомнил, что уловил аромат духов своей девочки, но тогда подумал, что мне лишь показалось. Ссылался на наваждение.

– Что случилось?

Валерия с грустью в глазах, всхлипнула и, суетливо скинув пальцами горькие слёзы с щёк, прошептала, – она потеряла ребёнка. В тот день, когда она увидела тебя и твою шлюху, Лиза пришла домой сама не своя. Она не смогла справиться с эмоциями. Смерть Дмитрия. Твоё предательство. И... – Валерия зарыдала в полный голос. – И моё враждебное отношение. Всё в купе привело к выкидышу.

Безумная дрожь захлестнула тело, сердце стало похоже на безжизненный, окровавленный кусок мяса.

– Платон, твоя месть удалась.

– Я не мстил, – не узнавая свой сиплый голос, монотонно озвучил. – Лера, скажи, куда она уехала. Я же всё равно её найду.

Женщина огорчённо усмехнулась.

– Зачем, Платон? – Медленно промолвила она. – Прошу. Отпусти Лизу. Сейчас это лучшее, что ты можешь сделать для неё.

Земля уходила из-под ног. Наше расставание не может никому принести облегчение.

– Хорошо. Пусть так. Но пусть она сама мне об этом скажет, – упрямо настаивал. Валерия замерла, а после плавно приподняв голову, с мольбой посмотрела на меня.

– Ты любишь Лизу?

– Люблю, – даже не задумываясь, молниеносно промолвил.

Женщина без доли сомнения утвердительно кивнула.

– Хорошо, – согласилась она. – Тогда ты еёпустишь. Докажи, Платон, что ты именно любишь мою дочь, а вовсе не одержим ей.

Бесконечный, проливной дождь хлестал с такой силой, что казалось, что небо прорвалось.

Озлобленно покривился, наблюдая за маленькой, беззащитной девочкой, которая в лёгкой курточке сидела на мокрой лавке и, опустив голову, смотрела в одну точку.

Гневно нахмурил брови и отчаянно помотал головой.

Медленно умирает тот, кто не путешествует, кто не читает, кто не слышит музыки, кто не может найти гармонию в себе. Медленно умирает тот, кто разрушает свою веру в себя, кто не позволяет себе помогать.

Медленно умирает тот, кто уничтожает саму любовь и проживает свои дни с постоянными жалобами о невезении или непрекращающемся дожде. Умирает медленно тот, кто бросает свои планы, ещё даже не начав их, кто не задаёт вопросы об аргументах ему неизвестных, и кто не отвечает, когда его спрашивают о том, что он знает.

Медленно умирает тот, кто становится рабом привычки, выполняя каждый день один и тот же маршрут, кто не меняет направление, кто не рискует менять цвета одежды, кто не разговаривает с незнакомцами.

Медленно умирает тот, кто избегает страстей, а зевок могут заменить на улыбку. Кто предпочитает чёрным по белому и точки над буквой «і», вместо того, чтобы быть вместе с эмоциями, именно теми, которые делают глаза лучистыми, которые могут заставить сердце стучать и от ошибки, и от чувств.

Медленно умирает тот, кто не переворачивает столы, тот, кто не отбивает удары судьбы, когда он несчастлив в работе или в любви; тот, кто не рискует тем, что есть, ради того неизвестного, что может быть, если идти за мечтой, кто не позволяет себе, хотя бы раз в жизни, убежать от благоразумных советов ...

Лиза стала моим наваждением, чем сильнее она убегала от меня, тем больше привлекала моё внимание. Огненное желание прожигало изнутри, сводила с ума. Никогда ранее не испытывал такого безумного желания.

Резко заглушил двигатель автомобиля и моментально выскочил из автомобиля и, схватив из рук охранника зонт, строго скомандовал.

– Кирилл, позвони ребятам. Отбой. Я нашёл её, – сделал шаг вперёд. – И да. Отдельно поблагодарите начальника Главка. Его ребята хорошо поработали.

Опытному сотруднику не следовало объяснять, как именно надо отблагодарить услужливых ментов. Никогда не был скупым человеком, и уж тем более не допускал для себя возможности оставаться в долгу.

Решительным шагом направился к Елизавете.

Внутри бушевали противоречивые чувства. Хотел прибить её.

Вроде взрослая девушка, а ведёт себя как маленький, капризный ребёнок. С матерью поругалась и что? Из дома надо ночью убежать?!

Нервно поводил глазами по тёмному, плохо освещённому парку. Чёрт знает, кто мог ей встретиться. Ледяной ужас резанул нутро.

Даже представить страшно, чтобы могли сделать с девушкой какие-нибудь отморозки. Идиотка! Действительно, несносный ребёнок, нуждающейся в хорошей трёпке.

Ночью в дождливую погоду уйти из дома и сидеть, как безродный щенок в тёмном углу... Кто так может поступить? Лишь капризная девочка, которая даже представить не может, сколь опасностей в себе таит этот мир.

Яростно сжал пальцы. Слава богу, что я её нашёл! Нашёл и больше не отпущу. Она совершенно не приспособлена к жизни.словно слепой котёнок исследует мир, считая, что каждый встречный – это добрый и порядочный человек!

– Привет, – холодно промолвил я и медленно присел на корточки, заботливо держа распахнутый зонт над мокрыми волосами малышки.

Чёрт! Вот как такое возможно. Злюсь на неё и, одновременно, испытываю невероятную нежность, хочу оказать максимальную заботу, прижать к груди, сказать: « Всё будет хорошо. Я рядом».

Елизавета от неожиданного моего появления широко округлила глаза и, судорожно задышав, даваясь дождём, вопросительно промолвила, – ты, что здесь делаешь?

– Если скажу, что мимо проходил? Поверишь?

Лиза уныло помотала головой.

Маленький, несчастный воробушек. Чистая, невинная девочка. Тёплая нежность ручейком пролилась по моему жестокому, чёрствому сердцу.

– Ты пришёл за мной?

Ласково улыбнулся промокнутому до трусов воробушку и, быстро стянув свою куртку, накрыл её плечи.

Как же мне понравился её столь трепетный вопрос.

Создалось впечатление, что я вовсе не посторонний человек, к которому обратилась её мать за помощью, а довольно близкий и родной человек.

Невольно ощущал медленно распространяющееся изнутри – из окрестностей, а может, и из самого сердца – тепло. А потом лёгкая грусть, чуть стескивающая горло. И сразу же радость. Радость до того дикая, что даже хочется плакать. И следом какое-то сверхъестественное вдохновение. А затем ласковое всё длящееся и длящееся волнение. И над всем доминирует желание прикоснуться. Всего на миг, и лучше всего губами. Да! Это именно то. Это нежность.

Находясь под воздействием минутной блажи, глядя, как беззащитный воробушек утопала в моей куртке, свободной рукой приподнял её личико, крепко удерживая за подбородок.

Пристально глядел в её огромные, бездонные глаза. Нет. Она далеко не воробушек. Судя по ярко-полыхающим очам, она самая настоящая хищница, понимал, что попадаю в плен, но справиться с собой не мог, она меня околдовывала...

Нет зверя настолько дикого, чтобы он не отзывался на ласку. Раньше бы поспорил с этим утверждением, но только не в эту секунду...

– Отстань от меня, – Елизавета грубо оттолкнула мою руку и, мгновенно вскочив на ноги, стоя под дождём, смело подняла голову. – Ты зачем пришёл? Тебя никто не просил. Мне твоя помощь не нужна....

Невероятно... В считанные минуты. Чёрт. Да куда уж там. В считанные секунды, эта несносная, дерзкая девчонка одним взмахом своих пухлых, аппетитных губок и острым языком напрочь уничтожила всю идиллию, безжалостно растоптав нежность.

– Твоя мать с ума сходит, – молниеносно прорычал я и спешно выпрямился в полный рост, сделал уверенный шаг в её сторону, стремясь защитить от дождя, но эта высокомерная, неблагодарная девица в очередной раз продемонстрировала свой несносный характер. Она лихо отскочила от меня и грациозно угодила ногой прямо в лужу.

– Лиза, прекрати себя вести как капризный ребёнок.

– Не надо мне говорить и указывать, как себя вести, – озлобленно прокричала она.

Удивительные метаморфозы происходили в моей душе.

Злость и желание наказать несносную девицу поглощало моё сердце, они постепенно вытесняли маленькие остатки, капельки нежности. Дрянь! Маленькая сучка! Я ради неё всех ментов города на уши поднял, сам на ночь глядя сорвался с места и как сумасшедший носился

по городу в поисках этой вздорной, надменной девчонки. Нет. Явно Валерия была с ней слишком доброй.

Елизавета нуждалась в воспитании. Инстинктивно мой взгляд скользнул по рельефной, женской филейной части. Да. Природа не наделила Елизавету здравомыслием, она лишена хорошего воспитания, но зато она наградила её прекрасными, потрясающими, сексуальными формами. Странно. Никакой вульгарности. Пошлости. Явного проявления сексуальности, даже наоборот...

Лиза была растрёпанной, насквозь помокшей девчонкой, у которой под глазами расплзлась чёрная тушь. Но как ей удаётся при этом оставаться такой желанной, провокационной, чем больше она сопротивлялась, проявляла глупую, робкую агрессию, тем сильнее хотелось схватить малышку и заткнуть её бестолковый трёп одним известным мне способом.

– Блядь! Твою мать, Лиза, ты совершенно не умеешь быть благодарной. Пи..ц! У меня нет слов. Давай топай к автомобилю, – скомандовал, яростно вглядываясь в её не менее озлобленное лицо. – Я что тебе пацан, чтобы сломя голову носится за тобой, словно влюблённый мальчишка.

Взмахнул рукой в сторону автомобиля, видя, что девочка даже не собирается с места двигаться.

Чего добивается? Понимает, что с огнём играет?

– Вас мама попросила, – трясущимися руками она пробежалась по своим плечам. – Вы ради мамы приехали, – по каким-то необъяснимым причинам она в одно мгновение перешла на более официальный тон и более не обращалась ко мне на «ты».

Показалось или действительно в её голосе звучала обида?

– Да, – а вот тут соврал. Не привык обманывать, призрачил лукавство, но вот сейчас не мог сказать правду. Да и как я мог ей возразить, когда сам не мог правильно описать свои истинные чувства. Одно знал точно, что Валерии помогать бы не стал, сорвался с места именно ради Елизаветы... Но почему? Она лишь маленькая, глупая, симпатичная девочка, которая вызывает иной раз нежную улыбку, а иногда хищный оскал. Она не особенная...или...

Сосредоточенно мазнул взором Елизавету.

– Уезжайте, – девочка быстро сорвала со своих плеч мою куртку, и протянул её мне. – Уезжайте, – более громко провозгласила она, даже не глядя на меня. – Я в вашей помощи не нуждаюсь. И маме передайте, что..., – она плавно повернула голову, когда я резко взмахнул рукой и крепко-накрепко сжал её тонкое, изящное запястье.

Девочка испуганно сверкнула глазами, осознавая, что отпускать её руку не собираюсь.

– Что передать твоей матери? – Издевательский вопрос сорвался с моих губ, при этом плотоядно всматривался в её взволнованное личико, в глазах девочки поселилась растерянность, она храбрилась, но очи явно выдавали её. – Что такое? – Резко рванул её руку, и малышка мгновенно упала в мои объятия, яростно отбросил зонт и сильнее сжимая малышку в своих объятиях, жадно провёл кончиком носа по мокрым женским волосам.

– Пустите, – с явным опозданием, прохрипела малышка, когда я, удерживая её одной рукой, второй вновь накинул на её хрупкие, продрогшие плечи куртку. – Пустите, – она заёрзала, словно необъезженная, строптивая кобылица, стремясь сбросить куртку и избавиться от моего плена.

– Прекрати, – двумя руками схватил бунтарку за плечи и немного встряхнул, продолжая озлобленно сверкая глазами, всматриваться в её лицо, по которому скатывались маленькие капельки дождя. – Ты избалованная, невоспитанная девочка, у тебя явные проблемы. Уважать старших и благодарить за помощь тебя твоя мать явно не научила, – мгновенно перевёл руку на её талию и слегка наклонившись, закинул дерзкую девицу себе на плечо.

Лиза сначала кричала, вопила, что мои действия противозаконны, что это похищение и она обязательно посадит меня в тюрьму, а потом, осознав, что слова не возымеют должного эффекта, перешла к более активным действиям.

– Скотина. Ублюдок. Мерзавец, – с откровенной ненавистью, кричала Лиза, отчаянно ударяя маленькими кулачками по моей спине. – Клянусь, что ты ответишь за свои поступки. Ты мне за всё ответишь. Ненавижу, – она интенсивно замахала ногами.

Не сдержалась и хорошенечко ударил ладонью по упругой заднице невоспитанной девочки.

– Ты...ты...ты..., – промямли малышка, ощущая вовсе не физическую боль, а скорее свою беспомощность. – Пусти меня, – уже более спокойным голосом, вовсе не требуя, а скорее прося, проговорила она.

Приблизился со своей драгоценной девочкой к автомобилю, охранник Кирилл без команды, с непроницаемым выражением лица, распахнул дверь в салон.

– Отпущу. Только не вздумай выкинуть очередной фокус, – холодно, с угрожающей интонацией, по которой сразу стало понятно, что я ни шучу, произнёс. – Только попробуй опять дерзить, – шлёпнул малышку по филейной части, – и тогда клянусь, что стяну с тебя штаны и публично выпорю, – пальцы инстинктивно сжали мягкую женскую зону.

Б...ь. Даже несмотря на морозящий дождь и прохладную погоду, внутри полыхал убийственный, обжигающий пожар. Хотел, чтобы она отказалась. Пусть опять начнёт демонстративно-провокационные действия... И вот тогда я выполню все свои желанные, эротические угрозы. Только публично стягивать с неё штаны не собираюсь...

Елизавета на мгновение застыла, а потом без особого энтузиазма, но всё-таки повержено простонала, – я поняла. Обещаю.

– Что обещаешь? – Мои сырые пальцы более ласково пробежались по её филейной части.

– Клянусь. Что никаких фокусов выкидывать не буду. Клянусь. Отпустите.

Расстроено выдохнул и бережно опустил малышку на землю.

Елизавета яростно покривила своё прекрасное личико и уже собралась нарушить данное обещание, даря мне надежду, что я могу приступить к сладкому, трепетному и такому будоражащему душу наказанию, но Лиза моментально закрыла рот.

Нет. Инстинкты у этой девочки всё-таки полностью не атрофировались...

– Садись в салон, – слегка подтолкнул к автомобилю.

– Куда мы поедим?

Плотноядно улыбнулся. Как же хотелось отвезти её к себе домой и научить правилам поведения.

– А ты куда думаешь?

Елизавета смущённо покосилась на меня, лёгкий розовый румянец превратился в багряный.

Б...я. Реально думает, что я маньяк. Садист. Насильник... Хотя. Сам виноват. Девочку напугал. Не стоило было так реагировать на её провокации. Она молодая девочка, а я взрослый мужик, обязан быть мудрее.

Снисходительно усмехнулся. Легко сказать и как сложно сделать. Эта дрянь способна мёртвого вывести из себя, что уж говорить о живом человеке. И не просто о живом человеке, а о возбуждённом мужике, который вспыхивает от одного лишь робкого, невинного взгляда с её стороны, а уж когда она распахивает свои дерзкий ротик, так там полный трешь. Сам себе удивляюсь, как умудрюсь сдерживать себя...

– Я к матери не поеду. Можете пороть. Убивать. Что хотите, делайте, но я в её дом больше ни ногой?

С искренним сожалением и неприсущим ему сопереживанием ласково провёл пальцами по щеке.

– А ко мне поедешь?

Малышка приоткрыла рот, но даже не смогла выдать из себя слабый звук.

– Ну что ты смотришь на меня такими перепуганными глазками? Куда исчез твой бунтарский характер? Или тебя вовсе не обидел мой вопрос?

Ироничная улыбка застыла на моих губах.

– Я сама справлюсь со своими проблемами. А вы езжайте домой. Ложитесь в тёплую кровать и отдыхайте. В вашем возрасте перенапрягаться не следует. Тем более, – она наигранно поводила руками по плечам, – что сегодня очень холодно. Не дай бог, по моей вине простудитесь.

Вот же дрянь малолетняя! Привыкла перед своими сверстниками-сопляками хвостом крутить.

Решительно сделал шаг вперёд, заставляя Лизу трусливо отступать до тех пор, пока она не была прижата к автомобилю.

– С превеликим удовольствием бы сегодня лежал в тёплой постельке, только вот из-за одной несносной девицы мне приходится бегать по городу.

Девочка высокомерно вздёрнула подбородок и равнодушно пожалала плечами.

– Я у вас помощи не просила.

– Не просила. Правильно, – даже и не думал возражать. – Но так уж получилось, что никто, кроме меня тебе помочь не может. А теперь заканчивай перепекаться и прыгай в машину.

Елизавета опасалась, лишний раз провоцировать меня не собиралась, но вот усмирить свой несносный, капризный характер попросту не могла. И откуда такая тяга всегда мне перечить?

– Лиза, садись в машину.

– Платон Аркадьевич, – немного выдержав паузу, девочка театрально подняла глаза и с вызовом посмотрела, – я к матери не поеду. И к вам не поеду, – моментально развеяла все его вульгарные иллюзии, лишив слабой надежды.

– Отлично. Без проблем могу отвезти тебя в отель.

Не дожидаясь её ответа, схватил строптивую кобылку за руку и толкнул в автомобиль.

– В какой отель? Вы что творите?

– В какой, какой. Самый хороший, престижный, с мягкой, удобной, тёплой постелькой, – молниеносно развернул её лицом к себе и, прислонив к своему телу, улыбнулся во все тридцать три белоснежных зуба. – И так уж и быть, раз ты такая непутёвая и вечно попадаешь в истории, мне придётся тебя охранять. А то, не ровён час, ты снова найдёшь приключений на свою упругую задницу. А от меня ты точно никуда не убежишь. Я не твоя мамочка. Цацкаться не буду.

– А от вас меня кто убережёт? – Пылко выпалила она, даже не успев подумать и осмыслить чересчур провокационный вопрос.

– Никто. Лиза, я всегда получаю то, что хочу. Или кого хочу, – наклонился и шаловливо провёл сырым кончиком носа по девичьей щеке. – Но можешь не беспокоиться. Я никогда не принуждаю женщину. Привык завоёвывать. Так интереснее.

Не обманывал. Сказал чистую правду. Ещё никогда не было в моей жизни столь унизительной и сомнительной практики, чтобы я угрозами и силой принуждал женщину. Но как известно: «всё течёт, всё меняется».

Не готов был гарантировать, что способен справиться с невыносимым желанием и останусь галантным кавалером. Эта нахалка пробуждала во мне зверя, который требовал добычи.

Лиза пробуждала зверя, но и именно она могла его приручить, усмирить... Никогда не испытывал такой зависимости от женщины. Не нравилось мне это... Она слишком пагубно влияла на мои поступки. Терял голову и начинал руководствоваться желаниями.

Пи...ц! Жестокая усмешка судьбы! Лиза – дочь женщины, которую я ненавидел всем сердцем. Валерия, используя свою красоту, острый ум и грациозность смогла привлечь моё внимание, но ей и этого было мало... Эта бездушная фурия вознамерилась разрушить брак моей сестры, она без стыда увела Дмитрия из семьи.

Чёрт! Проклятие! Чувствовал, что Лиза нежный ангел, настоящий дар небес, но в её жилах течёт отравленная кровь её матери. Кто знает, что скрывается за этим невинным личиком.

Высоко поднял голову и пронзительно посмотрел в огромные, бездонные девичьи глаза.

Два колдовских омута лишали воли... Её чистота и невинность завораживали. Её мать вызывала похотливое желание, Елизавета же зарождала куда более сильное, высокое чувство.

– Уезжайте. Это всё неправильно. Вы не должны..., – малышка судорожно задыхалась.

– Чего я не должен?

Лиза робко приподняла подбородок.

– Быть здесь.

Снисходительно усмехнулся.

– А ты значит, должна быть здесь?

Елизавета смущённо опустила свои пушистые реснички, губы задрожали.

– Вы считаете меня глупой девчонкой, которая, поссорившись с матерью, сбежала из дома. Но всё сложнее. Гораздо сложнее.

Заинтересованность блеснула в моих глазах.

– Садись в машину. И по дороге всё расскажешь.

– Хватит, – девочка постаралась грозно рыкнуть, но её голосок скорее наполнил умиленное пицание маленького, пушистого котёнка. – Не надо со мной разговаривать как с маленьким ребёнком. Я взрослый человек, и способна отвечать за свои поступки.

Закатил глаза. Вот же упрямая кукла. Мы усердно ходили по кругу.

Из последних сил упрямая конфетка изображала взрослую, независимую женщину, но на самом деле лишь она лишь маленькая, несмышлёная девочка.

В другой ситуации бы рассмеялся, но сейчас было не до смеха.

Сбежать из дома...

Плавню опустил взор и собственные чувства вызвали в моём сердце огромную тревогу. Никогда ничего подобного не испытывал.

Б...ь! Испугался. Испугался за дочь Валерии, женщины, которая безжалостно шла по головам, разрушала всем препятствия, включая чужие судьбы.

Пристально вглядывался в милое, невинное личико и упрямо твердил себе, что Лиза – дочь своей матери. Глупо входить в одну реку дважды. Глупо, но я как неисправимый идиот увязал... Эта сладкая конфетка неотвратимо притягивала, безумно хотел её... Она стала моим наваждением. Одержимостью.

Такая маленькая, беззащитная и абсолютно невинная...

Чёрт! Однажды уже повёлся на огромные, светлые, бездонные глаза её матери, которая оказалась самой настоящей шлюхой и бессовестно увела Ворошилова из семьи, отравила жизнь моей сестры, наполнила некогда счастливый дом болью и страшным унижением.

Ради Светланы обязан держать себя в руках. Елизавета не может войти в мою жизнь. Необходимо держаться от неё как можно дальше, но какая-то непреодолимая сила, которая оказалась гораздо сильнее воли, словно магнитом притягивала к ней.

Запретное влечение охватывало меня...

– Платон Аркадьевич, я не просила меня искать. Сама могу решить свои проблемы с матерью и в вашей помощи совершенно не нуждаюсь.

Намокший воробушек из последних сил храбрилась, хотя я прекрасно видел, что она абсолютно опустошена и разбита.

И почему состояние Елизаветы меня совершенно не удивляет?! Невыносимо больно лицезреть эту угнетённую девочку, но хорошо знал на что способна токсичная Валерия.

– Почему ты отказываешься от помощи?

– Я не отказываюсь от помощи, – в миг возразила она. – Просто принимаю её только от близких и родных людей, а вы таковым точно не являетесь.

И вновь непринуждённо ухмыльнулся дерзкой малышке.

– Какая же ты всё-таки упрямая.

– Взаимно, Платон Аркадьевич. Вы не менее упрямый, чем я.

Глава 2. Елизавета

Сидела в салоне автомобиля и судорожно заламывала руки. Проклятие! Взрослый человек, а попала в такую унижительную ситуацию. Горькая обида трепетала в моём сердце, цепляя ранимые частички души.

Умные люди не обижаются – они делают выводы. Но ко мне это не относится. Мне действительно не хватает банальной, женской хитрости. Вот как можно быть такой неудачницей. Чтобы не делала, стопроцентно филигранно вляпаюсь в какую-нибудь унижительную историю.

Робко покосилась на самоуверенного, высокомерного Морозова, который относительно далеко сидел от меня, беспечно разговаривал по телефону и раздавал команды. Особо не придавала значения его словам, не прислушивалась к речам, но судя по отрывкам фраз, этот человек необычайно жёсткий... Вот для него точно не ведомо такое понятие, как унижение. Слишком властный, , прагматичный, холодный, циничный... Вот он воплотил в себе все те достоинства, которые мне особо не присущи, да и ценности никакой не представляли, но тогда, почему он меня так притягивает.

Невольно засмотрелась на его суровое, но такое привлекательное лицо. Идеальная мужская внешность притягивала внимание, правильные аристократические пропорции, точно очерченные скулы, к подбородку заметное округление.

Отчаянно искала изъяны, но так и не могла их обнаружить.

Инстинктивно мой взгляд упал на тонкие, но такие чувствительные губы. Непроизвольно в голове вновь отразилась страстная и такая постыдная картинка.

– Что?

Вздрогнула и испуганно перевела взор на его глаза. Что за чертовщина происходит? Так погрузилась в воспоминания, что даже не заметила, как мужчина завершил разговор и своими плотоядными, огромными голубыми глазами с откровенной усмешкой смотрит на меня. Зверь. Он меня одними глазами способен сожрать, и даже косточек не оставит.

– Ничего, – сухо ответила. – Куда мы едим? – Стремительно перевела взгляд на окно.

Проливной дождь даже не собирался останавливаться, тёмно-синее небо низко опускалось, будто придавливая тяжестью влаги в тучах, создавая ощущение безысходности и полной незащитности. Кажется, что оно висит над самыми крышами домов и может в любую минуту рухнуть вниз. Солнечный свет никак не может пробиться сквозь непроницаемый завес дождевых туч, поэтому даже трудно определить время суток.

Узнавала улицу, но не понимала почему мы едим в совершенно другом направлении от моего дома.

Он куда меня везёт? Неужели действительно прислушался к моему мнению и решил не отвозить к матери. Нервно сглотнула. Не желала сегодня разговаривать с мамой, но и ехать к совершенно неизвестному мужчине, который при каждом возможном случае распускает свои руки, также не собиралась.

Глубоко вздохнула. Морозов, бесспорно, наглец, но он же не маньяк? Наверно, нет...

Нервно провела пальцами по бровям. Дура! Нужна ты ему. Он лишь играет со мной. Жестко забавляется как с игрушкой.

– Лиза, – мягко простонал он и максимально приблизился ко мне, в очередной раз, наглым образом нарушая мои личные границы. – Посмотри на меня, – его длинные, холодные пальцы коснулись моей полыхающей кожи, он довольно крепко, при этом довольно бережно, цепко удерживая меня за подбородок, повернул мою голову на себя, вынуждая смотреть на него.

Храбрилась. Отчаянно боролась со своей робостью. Из последних сил строила равнодушную мордашку. Этот самоуверенный нахал должен считать, что для меня он не имеет никакого значения.

Пристально посмотрела на него, выполняя нежное требование.

Этот Морозов вроде умный мужик, но при этом проявляет феерическую глупость перед женской хитростью. Мама без особых усилий манипулирует им. Уму непостижимо! Она разрушила жизнь его родной сестры, а он при этом продолжает крутиться возле неё и бежит по первому же требованию. Каким бы сильным и независимым ни казался мужик, но перед женским обаянием, оказывается, совершенно беззащитным. Жаль, что я не взяла от матери даже минимальной частички её природного очарования.

– О чём ты думала? – Его бархатный голос резко прозвучал, заставляя вновь испытывать стыд. – Лиза, ты уже не подросток. Как можно срываться на ночь глядя из дома. Ты хоть представляешь, что

Морозов мгновенно закрыл рот и, гневно цокнув языком, убрал руку от моего лица.

Слегка надула щёки. Отчитывал меня, словно он мне близким человеком приходится. Тоже мне...

Виновато похлопала глазами, постепенно осознавая, что как бы там ни было, но в надменных речах мужчины присутствовала доля правды.

Повела себя как маленькая, обиженная, капризная девочка.

Он волновался. Без сомнения, волновался... Переживал, только вот вовсе не из-за меня, а из-за матери.

Любила маму, но должна быть честна с самой собой, она самая настоящая стерва, перед которой, не может устоять ни один мужчина, включая всемогущего, хладнокровного Морозова Платона Аркадьевича.

Я не могу и никогда не буду такой прекрасной соблазнительницей, мне не дано так раскачивать сильный пол на эмоции, её стратегия, которая иной раз идёт в полный разрез с моральную, чертовски эффективна.

«Красота телесная ничтожна, без душевной прелести она способна пробудить в нас лишь отвращение и стыд. В то же время чистая светлая душа накладывает даже на невзрачное тело - отпечаток света, пробуждающий при взгляде на него самые тёплые чувства». Бред! Романтичное, невинное высказывание, которое не имеет никакого отношения к реальной, циничной жизни.

Серой посредственности, даже будучи чертовски умной и сообразительной никогда не добиться успеха среди мужчин, которые, как известно, любят глазами, а да ума частенько дело и недоходит.

– Платон Аркадьевич, а у вас совершенно нет чувства гордости и мужского достоинства? – С откровенным сожалением осмотрела озадаченного Морозова, который явно не ожидал подобного, оскорбительного вопроса.

Морозов холодно усмехнулся.

– Поясни?

Брезгливо фыркнула.

– Не буду, – капризно и дерзко объявила я. – Собственно, можете не отвечать на этот вопрос, – непринуждённо застегнула его кожаную куртку на своей груди, делая вид что вопрос был задан невзначай, но при этом по его глазам, в которых запылали злобные искры, стало понятно, что я его зацепила. – Просто так брякнула.

– Просто так брякнула, – озлобленно прорычал он, монотонно повторяя слово в слово мою фразу.

Смело смотрела на него, с наслаждением наблюдая, как меняется его чёткие черты лица, он хищно ухмыльнулся и, медленно приблизившись ко мне, едва ощутимо провёл пальцем по щеке, а затем игриво подхватил локон волос и шаловливо намотав его, слегка потянул на себя.

Внутри становилось жарко, предательское дыхание учащалось с каждым его провокационным движением, Морозов ничего особенного не совершал, но при этом я теряла контроль, его дьявольские глаза околдовывали, рядом с ним вмиг превращалась в безропотное существо. Что же это такое? Почему этот человек имеет на меня такое влияние? Морозов самый обычный мужчина. Да. Бесспорно, эффектный, brutальный и чертовски сексуальный. В нём есть харизма. Даже его ужасный характер притягивает. Он такой «плохой мальчик» мимо которого положительной девочке невозможно пройти, но всё-таки...

– Лиза, когда задаёшь взрослому мужику подобные вопросы, – Морозов склонился над моим ухом, – будь готова получить ответ. Необдуманный вопрос, может спровоцировать неконтролируемое действие, – а вот теперь его жаркие уста прикоснулись к моей шее, провоцируя новую волну страха в перемешку с неизвестным, плохо объяснимым желанием. – За свои утвердительные вопросы настоящая женщина стыдливо глазки не опускает. А ты же настоящая женщина или всё же маленькая девочка, которая брякнет, не подумав, а потом в кусты?

– Платон Аркадьевич, я имела в виду, что..., – замялась, активно поглощая воздух, глубоко вдыхая невероятный, мужской аромат: brutальный и жутко красивый запах острых ощущений.

– Что ты имела, – игриво прохрипел мужчина, – в виду? Давай, дерзкая девочка, поясни.

– Как такой человек, как вы, можете бегать за женщиной, которая буквально о вас ноги вытирает? – То ли от испуга, то ли от обиды, то ли от обжигающего, неконтролируемого желания, выпалила на одном дыхании, то ли- вопрос, то ли- утверждение...

Не видела его лица, смотрела вперёд в сторону водителя, но прекрасно ощущала, как меняется выражение его наглой, высокомерной физиономии. Салон автомобиля погрузился в громогласную, устрашающую тишину.

Молодец! Доигралась. Вот теперь тебе точно не жить... Мама же говорила, что Морозов – бандит, его отец был известным криминальным авторитет, а для таких людей слова многое значат. У них свои правила и искажённые жизненные принципы. Как там говорится: «За базаром следи...».

– Лиза, ты еб...сь, – он не спрашивал, а уверенно утверждал, особо не выбирая выражения, крайне эмоционально реагируя на моё заявление.

Повернула голову к нему, когда Морозов отстранился и, закинув голову, в полный голос рассмеялся, словно я сказала не что-то обидное и непростительная, а анекдот рассказала.

– Что смешного я сказала? – Искренне удивлялась такой внезапной реакции. – Разве я неправа? Мама выбрала другого мужчину. Отвергла ваши ухаживания, а вы продолжаете ей помогать.

Морозов перестал смеяться.

– Разве я неправа? – Настойчиво повторила вопрос.

– Нет. Не права, – он посмотрел на меня, но теперь в его взгляде больше не было полыхающих, будоражащих иск.

Мужской взор источал нежность, ласку. Нет. Я реально с ума схожу, Морозов и нежность – это вещи совершенно несовместимые и взаимоисключающие друг друга.

– А теперь вы поясните?

Платон звонко усмехнулся.

– Хватит ко мне на «вы» обращаться. Ты зачем это делаешь? Лишний раз хочешь увеличить дистанцию между нами? Или желаешь подчеркнуть мой возраст. Так у нас с тобой не такая уж великая разница.

Молодец! Прямо в точку попал. Хочу. Если бы это было в моей власти, то на другую планету улетела, только бы не видеть его... И бежала вовсе не от Морозова, а от своих сумасшедших, запретных чувств, которые с каждым днём становились сильнее и сильнее. Попадала в его сладкий и такой болезненно-мучительный плен. А быть рабыней не собиралась.

– Платон Аркадьевич, пожалуйста, прекратите паясничать. Вам же плевать на то, как я к вам обращаюсь, – спокойным тоном ответила, лишний раз подчёркивая, что между нами огромная, непреодолимая пропасть.

Морозов лукаво прищурил глаза и, опустив ладонь на сидение, немного наклонился, вынуждая меня поддаться назад, чтобы наши тела вновь не соприкоснулись. Этого человека ко мне как магнитом притягивало, неужели не может спокойно сидеть.

– Мне не плевать. Лиза, ты действительно считаешь, что я сломя голову, на ночь глядя побежал помогать твоей матери?

Нервно сглотнула и безмолвно помотала головой.

Конечно. Именно так я и думаю. Ясно же, что мама запала ему в душу. Она отвергла его. А Валерия Владимировна не из тех женщин, о которых легко забывают. И вновь обида заполонила моё сердце. Я даже близко не могу приблизиться к своей матери. Мои неуклюжие поцелуи, скромная внешность могут лишь забавлять опытного, избалованного женским вниманием Морозова, но не более того. И совсем другое дело моя мать. Уверенная в себе женщина, она никогда не идёт на компромиссы, точно знает чего хочет, всегда с достоинством поднимает голову даже в самых сложных ситуациях. Мама эгоистична, свободолюбива, позволяет себя любить, но самих мужчин особо не любит, при этом страстная, мама источает огромную женскую энергию, буквально пылает сексуальностью.

Разве в такую женщину можно не влюбиться? Разве такую женщину можно не хотеть?

– Тогда зачем?

Морозов напряжённо выпрямил спину и облокотившись на спинку кресла, свёл руки на груди.

– Лиза, ты меня извини, понимаю, что Валерия твоя мать и ты её любишь и уважаешь, но то, что сейчас скажу, тебе не понравится, – мужчина покосился на меня, явно оценивая мою реакцию. – Но раз уж ты сама затронула эту тему, то слушай. И потом не обижайся. Есть огромная разница между любовью и сексом.

Гордо приподняла голову. Посмотрим, что такого страшного и унижительного мне поведает Морозов, чего я сама не знаю о своей матери.

Смущённо заводила глазами, когда в полной мере до меня дошла его последняя, слишком откровенная фраза.

– Лучший секс — это не пять часов кряду и восемь оргазмов. Лучший секс — это когда после близости очень хорошо.

Стыдливая краска покрыла мои щёки, смущённо опустила глаза, не в силах была смотреть на Морозова.

– Валерия - эффектная женщина, но она могла присутствовать в моей жизни только в качестве временной интрижки. Но не более того. Мы с ней слишком похожи. Оба ценим свободу. Готовы получать любовь, но отдавать не умеем.

Приподняла глаза.

– Валерия искала мужчину, рядом с которой ей будет комфортно. У неё свои идеалы. Она не из тех, кто бросается в любовь, как в омут с головой. Она всё просчитала.

Машинально активнее захлопала глазами, осознавая, к чему именно ведёт Морозов.

– Мама хотела серьёзных отношений. И это вполне нормально. Любая женщина желает построить нормальную, крепкую семью.

Морозов утвердительно замотал головой, я же, в свою очередь, опустила руки на сидение и широко их расставив, крепко сжала пальцы, анализируя его слова.

– Твоя эта искра, которая способна зажечь мужчину, но долго его возле себя удержать не может. Она слишком меркантильная. Фальшивая. Неестественная, – дёрнулась, словно получила оплеуху, но Морозов мгновенно положил свою ладонь на мою руку.

– Да как ты смеешь так говорить? Как тебе не стыдно?

Яростно взглянула на него. Знала, что мама далека от идеала, но терпеть оскорбления в её адрес не собиралась. Пусть и завуалировано, но Морозов её считал продажной, меркантильной тёткой, которая всегда и во всё ищет выгоду.

– Ты просто солдафон. Грубиян.

В считанные секунды на лице Морозова вновь отразилась опасная, хищная ухмылка, он резко сжал пальцы и, грубо дёрнув мою руку, заставил буквально упасть в его объятия.

– Пусти. Отпусти сказала, – предприняла попытку вырваться, но этот хам лишь усилил хватку, вынуждая сильнее прижиматься к сильному, накаченному телу.

Опять меня уволакивал пленительный, очаровательный, терпкий мужской аромат, насыщенный древесной смолой и табаком.

– Ты банальный варвар. С бабами своим руки распускай, а меня в покои оставь. Понял?

Морозов проигнорировал моё колкое, свирепое требование и дерзко усмехнувшись, нежно пробежал пальцами по плотно сомкнутым губам.

– Нет женщины, которую бы не привлекала грубая мужская сила, дикая и необузданная страсть с нотками нежности в каждом прикосновении сильных и властных рук, – горячее мужское дыхание обожгло мою кожу, когда Морозов наклонил голову и едва-едва прикоснулся своими губами к моим. – И если на теле женщины не оставалось следов от мужских ласк, то она ещё не познала этого удовольствия — быть беспомощной, но счастливой.

Дрожь пробежала по моему пленённому телу, испуганно замахала ресницами, терпеливо и безропотно ожидая его следующего шага.

– Я тебя ненавижу, ты просто похотливое животное, которое думает лишь о сексе. Тебя вообще хоть что-то интересует, кроме кровати и своего бизнеса? – Опустила глаза, отчаянно наблюдая за его губами, которые в любую минуту могли вновь накрыть мои уста и опять доказать, что я полностью нахожусь в его власти.

Правильно он сказал. Я воробушек. Храбро хорохорюсь, но на деле, лишь маленькая, безвольная, слабохарактерная птичка, которая из последних сил пытаюсь выжить в мире коршунов и ястребов. Мир слишком жестокий, таких, как я он безжалостно покрошит.

Морозов бережно обхватил мой подбородок и, приподняв голову, пронзительно заглянул в мои глаза.

– Что в тебе такого особенного, Лиза? Не могу понять, ты реально такая невинная девочка или просто идеально играешь роль?

Возмущённо фыркнула.

– Тебе никогда не понять. Такие как ты заслуживают лишь ненависти. Ты не умеешь любить и уважать других людей.

Морозов лениво растянул губы в нежной, ласкающей взгляд улыбке.

– Чего ты ко мне привязался? Я тебя никогда и ни о чём не просила.

Нежная улыбка моментально сменилась хитрой ухмылкой.

– Мне до тошноты надоели влюблённые женщины. Женщины, которые ненавидят, гораздо интереснее.

Удручённо усмехнулась...

Что и требовалось доказать. Я в нём пробуждаю лишь дикие, первобытные инстинкты. Ему азарта захотелось. Решил впервые за долгое время завоевать девушку. Покорить. Очаровать. И собственно не важно даже кого, пусть будет такая замухрышка, как я.

– И что ты улыбаешься? Чем я тебя так рассмешил? – Лукавые вопросы посыпались с его губ.

– А тебе не нравится мой смех? – Демонстративно сжала уста.

Морозов пленительно усмехнулся.

– Наоборот. Очень нравится. Женский смех — это краски любви, счастья, гармонии, мира... Стоит бояться того, что, когда женщины перестанут смеяться, исчезнут краски жизни.

Демонстративно фыркнула, понимая, что Морозов тот ещё Казанова. Даже страшно представить скольким девушкам он говорил эти заранее заготовленные фразочки. И на какие только ухищрения не идут мужчины, лишь бы затащить женщину в постель.

Бегло скользнула неодобрительным взглядом по привлекательному мужскому лицу, которое было лишено всяких изъянов.

– Лиза, – внезапно его широкая ладонь накрыла мою руку, отдавая тепло и волнуя мою душу, – Смех объединяет людей всего мира. И в московском метро, и в нью-йоркском смеются точно так же, как в парижском. Остроумной шутке так же весело улыбнутся в Токио, Каире и Праге, как в Мадриде, Копенгагене и Стокгольме.

Морозов так пленительно говорил, что я даже пошевелиться не могла, робко смотрела на его руку и приглушённо дышала.

– К настоящим богатствам, таким, как счастье, мир, человечность, деньги никакого отношения не имеют. А вот смех имеет, да ещё какое! Когда кто-нибудь вот так, как в этой книге, променяет свой смех на деньги, это очень печально. Ведь это значит, что он променял настоящее богатство на фальшивое — счастье на роскошь, и пожертвовал свободой, которую дарит нам смех. Смейтесь над теми, кто считает, что все на свете продаётся за деньги, и их оружие заржавеет и придёт в негодность.

Мужчина убрал от меня руку также внезапно, как и положил, лишая возможности наслаждаться блаженной теплотой.

Невероятно... Какой же силой может обладать банальное человеческое прикосновение.

– К сожалению, в нашей жизни очень мало поводов для смеха и радости. Мы привыкли выдавливать из себя дежурные улыбки.

Он утвердительно кивнул.

– Твоя правда. Но это не значит, что мы не должны искать в свет в нашей жизни. Согласись? В противном случае, просто упустим своё счастье.

Глава 3. Валерия

– Не понимаю тебя, Лера, – возмущённо фыркнул Ворошилов. – Правда надеешься, что Морозов тебе поможет? – Он поднял руку и посмотрел на запястье. – Смотри, почти уже час прошёл, а от него никаких новостей. Не удивлюсь, что он давным-давно позабыл о твоём звонке.

Дмитрий непринуждённо поднял чашку с чаем.

– Не волнуйся. Лиза – умная девочка. Перебесится и домой вернётся. А ты Морозову больше не звони. Не стоит унижаться.

Ехидная ухмылка на мужском лице вызвала у меня отвращение, его брезгливая, унизительная фраза спровоцировала рвотный рефлекс.

– А ты что предлагаешь? – Провокационно, с откровенным вызовом бросила токсичный вопрос, лишний раз подчёркивая его беспомощность. – Может, ты мне поможешь? – Схватила телефон и протянула ему. – Давай свяжись с кем-нибудь. Будь мужиком. Помоги своей женщине.

Дмитрий снисходительно закатил глаза.

Презрительно поморщила нос.

Чёрт! И как же меня угораздило связаться с Ворошиловым. Он не самый плохой мужчина, но слишком слабохарактерный...

Что ж, это неудобная правда. Но женщина никогда не будет уважать и любить слабого мужчину. Как друга или родного человека – возможно. Но как мужчину – нет. Занималась самообманом. Испугалась зарождающихся чувств к Платону и выбрала более надёжный вариант.

Угнетённо вздохнула и, взяв свой телефон, встала из-за стола и направилась в спальню.

– Лера, ты куда? – Прозвучал вопрос мне в спину.

– Пойду выброшусь с балкона, – даже не оборачиваясь с сарказмом, прокричала я ответ на глупый вопрос от бесполезного мужчины.

Неспешно преодолела пространство комнаты и зашла на балкон. Настежь распахнула окно и, достав пепельницу, которая всегда находилась в маленьком шкафчике на всякий случай.

Долгое время курила. Обладала плохой, вредной привычкой, но со временем, с неизбежным увеличением возраста старалась избавиться от неё. Возраст и так не придавал свежести и молодости лицу, а сигареты усугубляли ситуацию.

Сделала затяжку и набрала номер Морозова. Не верила словам Дмитрия, сердце подсказывало, что Морозов не мог взять и вот так просто забыть обо мне. Нет. Я ему точно не безразлична.

Ворошилов, безусловно, мутотень, но в одном он прав, времени прошло достаточно, у Платона должна же была появиться, хоть какая-то информация. Отчаянно отгоняла угнетающие, болезненные мысли, надеялась, что с моей дочерью ничего плохого не произошло. Действительно. Просто психанула и сидит сейчас у кого – ни будь из своих друзей.

– Слушаю, – в трубке раздался уверенный, пронзительный мужской голос.

Нервно сглотнула и мгновенно затушила сигарету.

– Платон, – мягко обратилась к Морозову. – Никакой информации о местонахождении Лизы у тебя не появилось?

Мужчина вздохнул.

– Появилась. Она у меня, – он произнёс фразу так властно, будто бы она не просто находится рядом с ним, а является его собственностью.

Бессознательно помотала головой. Бред. Какие только глупости от нервного напряжения в голову не ползут.

– Отлично! – Восторженно воскликнула я. – Когда вы приедете?

Невольно кокетливо прикусила нижнюю губу. Вот же проклятье. Они наверняка скоро будут у меня. Как же некстати сейчас Ворошилов. Надо срочно выпроваживать его, не могу упустить свой шанс. Просто обязана отблагодарить Морозова. Хотя бы чаю предложить.

– Лера, считаю, что сегодня Лизе лучше к тебе не приезжать. Она должна остыть, да и тебе нужно время.

Озадаченно приподняла брови и язвительно усмехнулась.

Невероятно! Морозов решил выступить в качестве дипломата. Заботу начал проявлять больше, чем требовалось.

– И куда ты её повезёшь?

Ревность со всего размаху ударила меня в самое сердце.

Нет. Ревнует тот, кто недостаточно ценит себя, сомневаясь, что для другого он может быть избранным, занимать в его сердце особое место. С особым усердием подавила низменное чувство.

– Не волнуйся. Всё будет хорошо. Завтра с утра я привезу её домой. А сегодня пусть в спокойной атмосфере переночует в моей столичной квартире.

– Платон, я очень надеюсь, что ты не посмеешь воспользоваться ситуацией, – яростно прорычала, прекрасно зная, что Морозов предпочитает проживать за городом, а квартирой пользуется, когда желает провести время с очередной, легкомысленной, пышногрудой девицей.

Он надменно и звонко усмехнулся.

– Надейся, – с откровенной издёвкой в голосе, произнёс Морозов и сбросил вызов.

Б...ь. Тысячу раз пожалела, что обратилась к Морозову. Машинально прижала ладонь к сердцу. Нет. Вновь поддаюсь глупой, абсолютно неоправданной панике. Платон не будет использовать мою дочь.

Балконная дверь тихонечко приоткрылась.

– Лера, – простонал надоедливый Ворошилов, – ты же обещала бросить курить.

Дмитрий с осуждением покосился на дымящуюся пепельницу и демонстративно помахал рукой перед носом, против своей воли вдыхая табачный дым. – Отвратительный запах.

– Не нравится, – язвительно буркнула, находясь под воздействием негативных эмоций, – не нюхай. Тебя никто здесь не держит.

Обида отразилась на мужском лице, думала, что гордость всё-таки проснётся и он, наконец-то, покинет дом, но мои ожидания не оправдались.

– Родная, пожалуйста, не злись, – Ворошилов зашёл на балкон, усиливая моё раздражение. – Ты дозвонишься до Морозова?

– Дозвонишься, – брякнула я, особо не вдаваясь в подробности, и захлопнула окно.

Ворошилов с любопытством наклонил голову набок.

– И что он сказал?

Повернулась к Дмитрию и, сведя руки на груди, высокомерно растянула губы в широкой улыбке.

– Представляешь, этот наглец заявил, что отвезёт Елизавету в свою квартиру.

Ворошилов помотал головой, пропустив мимо ушей мой недовольный тон.

– Ну и хорошо, главное, что Лиза цела и невредима.

Опустила руки.

– Ты меня слышишь? Дима, я не позволю своей дочери ночевать в квартире этого человека. Кто знает, что у него на уме.

Ворошилов пару секунд пристально смотрел на меня, а потом протянув руку, нежно провёл пальцами по плечу.

– Милая, пожалуйста, не утрируй. Морозов не самый доброжелательный человек, но он же не монстр и вовсе не насильник или убийца молодых девушек. Он правильно поступил. И

тебе, и Лизе нужно успокоится. Утро вечера мудрее. Завтра спокойно поговорите. Всё обсудите.

Здравый смысл присутствовал в словах Ворошилова, но беспокойное сердце не позволяло успокоиться и смиренно принять решение Морозова. Да кто он собственно такой? Что за властные замашки? Я обратилась к нему за помощью, но это вовсе не даёт ему права так поступать со мной. Он взял и поставил меня перед фактом, даже не посчитав нужным что-либо, пояснить. Как всегда, был лаконичен и краток.

– Ты знаешь адрес?

Ворошилов сделал шаг ко мне и отрицательно помотал головой.

Врёт.

– Знаешь, просто говорить не хочешь.

Мужчина плотно сжал губы.

– Лера, его квартира находится на охраняемой территории. Нас с тобой не то что в подъезд не пустят. Мы без согласия Морозова даже у ворот постоять не сможем. Нас охрана быстро выпроводит.

Машинально разочарованно усмехнулась.

– Хорошо, – повернулась и взяла телефон. – Нет. Ты лучше ему со своего позвони.

– Кому? – Озадаченно пробормотал Ворошилов. – Подожди, ты хочешь, чтобы я Морозову позвонил?

Яростно сузила глаза.

– Да. Я хочу, чтобы ты позвонил Морозову и поговорил с ним по-мужски. Потребуй, чтобы он немедленно привёз мою дочь домой, – грубо подтолкнула его на выход. – Пошли.

– Нет. Извини, Лера, но я звонить Платону не буду. Да и не послушает он меня.

Окинула Ворошилова недовольным, оценивающим взглядом. Плохая идея. Морозов не просто его не послушает, он даже разговаривать с ним не станет.

– Ладно, – устало провела пальцами по волосам. – Может, ты и прав. А теперь, извини, но я просто валюсь с ног. Хочу принять ванну и пойти спать.

Ворошилов разочарованно улыбнулся, а затем игриво приподняв бровь, легонечко пробежался пальцами по моим щекам.

– А может мне остаться?

– Нет. Не стоит. Хочу побыть одна. Очень устала.

Дмитрий с грустью усмехнулся.

– Устала, – с сожалением повторил он. – От кого? От меня устала?

Не смогла ответить на его вопрос. Отвела взор и уставилась в одну точку.

– Понятно. Спокойной ночи, – мужчина развернулся и, наконец-то, подарил мне долгожданное одиночество.

Не хотела его обижать, но и обманывать, больше не желала. Мне стало с ним скучно. Жизнь стала обыденной, серой... Секс превратился в банальность, пропал огонь... А может, я просто осознала, что совершила огромную ошибку.

– Ох, Лерка, всё у тебя через известное место, – хмельным голоском простонала Эмма, разливая полупустую бутылку вина по бокалам.

Так и не смогла уснуть. Должна была поделиться с кем-то своими тревогами и переживаниями. А кто, как не лучшая подруга, выслушает меня и окажет поддержку.

– Реально думаешь, что Морозов запал на твою Лизку?

Подруга с некоторым подозрением прищурила глаза, кокетливо помахивая бокалом в воздухе.

– Не знаю, – слегка пригубила вина.

Эмма поставила бокал на поверхность стола.

– Ты за дочь переживаешь или Морозова ревнуешь?

От провокационного вопроса у меня даже дух перехватило. Узнаю свою подругу. Как говорится, не в бровь, а в глаз.

– П...ц! Эмма, что за вопрос? За дочь, конечно, переживаю.

Подруга лукаво усмехнулась, явно сомневаясь в моём утверждении.

– Лера, я очень хорошо знаю Платона. Поверь мне, его не интересуют маленькие, неопытные девочки. Лиза - очень хорошая девочка, но в этом и есть её проблема. Ты уж меня извини. Но такого мужика, как Морозов не может заинтересовать посредственная девочка, хотя и с милым личиком.

Заинтриговано постучала по бокалу.

– А какая его заинтересует?

Подруга хитро обвела меня хмельным взглядом.

– Лера, ты что-то задумала? Колись давай!

Машинально накрыла ладонями полыхающие щёки.

Находилась словно в бреду... И почему меня так тянет к Морозову? Вроде взрослая баба, а как наивная, невинная малолетка теку от крутого, плохого мальчика.

Прикрыла глаза. Нет. Морозов далеко не мальчик, он brutальный, сексуальный мужик.

– Эмма, ничего я не задумала, – приподняла веки и плавно сделала глоток игристого вина. – Действительно, словно собака на сене, – яростно постучала ладонью по столу. – Вот что мне ещё надо? Ворошилов - хороший мужчина.

Подруга громко усмехнулась.

– Да. Да. Да. Он мужчина неплохой, только сытсы и глухой.

Укоризненно нахмурила брови.

– Что? – Эмма непринуждённо развела руками. – Я тебе сразу сказала, что Дима тебе не подходит. Он слишком скучный. И вот тебе результат.

Обречённо кивнула.

– Ладно. Что уж теперь говорить об этом. Былого не вернуть.

Лукавые искорки заплясали в хмельных глазах женщины.

– Э-э-э, нет. Вот тут ты категорически не права. Безвыходных ситуаций не бывает, бывают ситуации выход из которых нас не устраивает, – она схватила бутылку и вновь наполнила мой бокал. – Дорогая, в нашем возрасте упускать шанс нельзя. Тебе скоро сорок лет.

– Не так уж и скоро. Ещё полгода, – уныло пропищала, осознавая, что старость неотвратимо подкрадывается ко мне.

Эмма приподняла бровь.

– Что ты предлагаешь? Побежать к Морозову и в ноги ему упасть.

– Да, – утвердительно заявила она. – Прояви женскую мудрость. Признайся, что была дурой. Чёрт попутал. Слезу пусти.

Снисходительно закатила глаза. Блаженные речи Эммы разили сумасшествием, но чёрт возьми, внутри что-то обрывалось...

Подруга права, не успею оглянуться, как от моей былой красоты ничего не останется. Надо жить, а не готовиться к жизни.

– Он меня не примет. Ты хоть представляешь, какой удар ему нанесла, – тот самый случай, когда и хочется и колется. – Морозов меня не простит. Я для него самое подлое, развратное создание. В общем, конченная стерва.

Хитрющая улыбка замерцала на её губах.

– Знаешь почему мужики предпочитают стервозных женщин?

Вопросительно сузила глаза.

– Нет. Почему?

– Стерва – это эгоистка, независимая и сильная женщина, способная бороться за своё счастье, добиваться успеха, и живущая по принципу «я заслуживаю самое лучшее», – восторженно провозгласила подруга. – Она не будет стоять на обочине жизни и ждать, когда её заберёт принц. Она найдёт принца, догонит и соблазнит.

Недоверчиво помотала головой.

– А я вкладываю в это понятие совершенно другой смысл.

Эмма снисходительно ухмыльнулась.

– Причин, по которым мужчины обожают стервозных женщин, на самом деле несколько, – Эмма пододвинула к себе тарелку с виноградом и резво закинула ягодку в рот. – Только на первый взгляд идущие напролом представительницы нежного пола выглядят бессовестно и нелепо. Если присмотреться, то они намного женственнее и ласковее, чем их закомплексованные конкурентки. Стервы умеют любить по-настоящему, они не прячут эмоций, не ходят обходными путями. Они в открытую говорят о своих желаниях, они обладают высоким эмоциональным интеллектом, знают, что нужно мужчинам и готовы дать им это безусловно, не вода за нос.

С восхищением слушала речи подруги. Правильно, что её считают одним из лучших психологов столицы.

– Мораль создана для того, чтобы держать людей в определённых рамках. Счастливое общество никому не нужно, а счастливая женщина – это вообще трагедия для системы. Стервы действуют исключительно в собственных интересах, и это невероятно возбуждает мужчин. Они получают возможность освободиться от надуманных правил, условий, обязательных процедур. Ты и женщины, что может быть круче?!

Невольно усмехнулась.

– Эмма, это уже слишком. Никогда не была монашкой, но явиться к Морозову и вот так предложить себя, – учащённо задышала, понимая, что безумная идея подруги охватывает мои мысли.

– Только со стервой можно весело проводить время. Не спать до трёх часов ночи, проиграть зарплату в казино, поучаствовать в настоящей, а не искусственно созданной конкуренции за её внимание, – подруга пропустила мимо ушей мои слова, активно продолжая склонять меня к безумному шагу. – Стервы интересные, постоянно к чему-то стремятся, их жизнь не превращается в скучные "утро-ужин-телевизионное шоу-сон". Они яркие, раскрепощённые, ведут себя дерзко. Это даёт мужчинам эмоции, которые невозможно получить с женщиной, которая строит из себя отличницу и пай-девочку, хотя в все прекрасно знают, что мечтает она о другом.

Подруга замолкла и загадочно усмехнулась.

– Морозов никогда не обратит внимание на Елизавету. Она у тебя отличника. Пай-девочка. Ей нужен другой мужик. Морозов к тебе равнодушен.

– Ты так думаешь?

Эмма обиженно округлила глаза.

– Нет. Не думаю. Знаю. Не забывай, что я лучший психолог в городе.

– Да. Лучший и самый скромный, – не удержалась от язвительного комментария. Так ты считаешь, мне стоит попробовать? – Игриво потормошила волосы.

– Я предлагаю лишь пути. Ты сама должна принять решение.

Подруга более ни слова не промолвила, она лишь хитро прищурилась и лукаво улыбнулась...

– Ох! Не знаю, – и для бодрости духа выпила алкоголя. – Знаешь, как говорится, «и хочется и колется».

Женщина озадаченно приподняла брови.

– Лера, ты должна попробовать. Не исключаю, что у тебя ничего не получится с Морозовым. Тогда вы просто разойдётесь. Но кто знает?

Пожала плечами.

– Вот подумай, что ты теряешь? – Продолжила она задавать наводящие вопросы. – С Ворошиловым у тебя полный закат. Вспышка, которая мгновенно вспыхнула и также мгновенно затухла.

С сожалением утвердительно кивнула. Вот тут уж ничего возразить невозможно! С Ворошиловым промахнулась, он далеко не тот мужчина, с которым хочу беспечно встретить старость, которая уже не за такими дальними горами.

– Ты боишься, что Морозов тебя не простит?

– И это тоже.

Эмма ошеломлённо вытянула губы.

– И это тоже? – В вопросительном тоне, повторила она. – А что ещё тебя пугает? Что останавливает. Только не говори, что всё-таки подозреваешь, что Платон увлётся твоей дочерью.

– Нет, – немного поморщилась. – Дело в возрасте. Не забывай, что я старше Платона почти на семь лет. Может возраст и не такой существенный, но всё-таки и далеко не маленький.

Эмма улыбнулась и кокетливо помахала пальцем.

– По моим наблюдениям и, исходя из моей практики, довольно актуальный для многих женщин вопрос, какие перспективы есть у отношений, когда её избранник младше неё на семь, десять лет. Интересно заметить, что мужчины с такими вопросами ко мне на консультацию не обращались.

Непринуждённо улыбнулась наблюдениям подруги, которая из последних сил пыталась меня приободрить.

– Есть ли перспективы у таких отношений, могут ли они быть гармоничными, долгосрочными? По моему мнению – есть и могут, но зависит это от большого количества факторов, а каждый случай, конечно же, индивидуален, – пояснила она. – Кстати, когда этот вопрос очень сильно беспокоит женщину и её избранника – это, на мой взгляд такой звоночек, что эта тема будет постоянно оставаться на «повестке дня» и будет осложнять отношения. Те, кто решился «урвать своё счастье», пусть временное, и не париться по этому поводу, как правило, живут вместе долго и счастливо.

Робко покосилась на подругу, она рисовала, одновременно, хорошую и плохую перспективу.

– Боже! Всё так неоднозначно и непредсказуемо. Мне безумно страшно, но и жить так больше не могу. Не желаю причинять боль Дмитрию, но и жить рядом с ним не хочу.

Эмма широко развела руками.

– Валерия, ты должна поговорить с ним. Он имеет права, на счастье.

– Знаю, – нервно накрыла голову ладонями. – Только не представляю, что ему сказать. Как всё объяснить. И не ранить его.

Подруга схватила меня за руку, ощущая, что я закрываюсь от внешнего мира.

– Чувство тоски и недосказанности часто тянется шлейфом после выхода из отношений, даже когда их завершение было совершенно предсказуемым и «по обоюдному согласию». Это так называемый «эффект незавершённости», и он сопровождает не только прекращение отношений между мужчиной и женщиной, но и дружеские, а иногда и рабочие взаимоотношения.

С грустью опустила глаза и тяжело вздохнула.

Глава 4. Платон

Взял стакан и, налив тёплой воды, бросил туда таблетку.

Невольно обескураженно улыбнулся.

Сам себе удивлялся. Не помню за собой проявление подобной заботы.

Любовь и трепет к сестре и племяннице не считается ... Они мои родные, как в принципе и моя сварливая тётушка!

Всю свою сознательную жизнь достаточно потребительски относился к женщинам. Принцип был до жути прост, они мне удовольствие и наслаждение, а я взамен бытовые ценности: шмотки, тачки, иным особо «драгоценным» дамам даже квартиры дарил.

Любовь — это когда секс становится таким потрясающим, что уже не можешь заниматься им ни с кем другим. Наваждение перемещается из члена в мозг.

Бесспорно, к своим любовницам относился цинично и прагматично... Но к этой девочке испытывал совершенно другие чувства. Нет, она, безусловно, вызывала во мне сексуальный интерес, хотел её. Безумно хотел, до такой степени, что из последних сил сдерживался... Но вместе с сексуальной потребностью, Елизавета зарождала во мне плохо объяснимо желание, узнать её поближе, раскрыть девичью душу и погрузится во внутренний, богатый женский мир.

Проклятие! Что же это за наваждение... Желала её тело и душу!

Б...ь! Ещё как хотел, но вместе с тем желал заботиться о ней. Подобные нежные чувства испытывал лишь к трём женщинам, к сестре, племяннице и крёстной. Отчаянно помотал головой, отгоняя глупые, несуразные мысли.

Бред! Нельзя ставить Елизавету и моих родных женщин на одну ступень. Они моя кровь, а Лиза — дочь меркантильной, подлой стервы. Она такая же, как и её продажная, лживая мать.

Надо быть полным идиотом, которым никогда не являлся, что бы вновь беспечно доверится очередной бабе. И пусть эта девочка, кажется такой невинной и светлой... Знаем, плавали.

Лиза - самая обычная девчонка. Сколько их таких... Тысячи... Миллионы... Миллиарды... по земле ходит.

Медленно подошёл к двери спальни, за которой находился перепуганный, но такой дерзкий воробушек. Поднял руку и негромко постучал, не стоило лишний раз её провоцировать и так испуганными глазами смотрит на меня, словно я какой-то извращенец.

Ответа не последовало. Наверно ещё в ванной комнате. Приличный бы человек развернулся и ушёл, но куда мне до воспитанного, деликатного мужчины.

Неспешно приоткрыл дверь и тихим шагом зашёл.

Точно в ванной комнате. П...ц! Разумом понимал, что надо оставить стакан и уходить от греха подальше. Никогда не был ангелом. Нимб точно не заслужил. Но при любых обстоятельствах всегда оставался человеком. А вот сейчас уже не был уверен, что смогу оставаться человеком, эта девочка пробуждала во мне звериные, собственнические инстинкты.

Грех был таким соблазнительным и манящим.

Неторопливо последовал к заветной двери и вот когда уже собрался приоткрыть запретную дверь, как внезапно она сама распахнулась и передо мной предстала Елизавета.

— Ты что здесь забыл? — Прокричала она, придерживая одной рукой полотенце на голове, другой поправляя края тоненького халатика на своей соблазнительной груди.

Замер. Буквально пожирал её глазами, в своих сладких мечтах срывая этот ненужный халатик и оголяя столь желанное тело.

— Ты что здесь делаешь? — Прорычала она сладкими, пухлыми губками. — Платон, ты оглох? Хватит, стоять и молчать. А лучше разворачивайся и уходи. Кошмар какой-то, — малышка злобно поморщила лоб

Приподнял глаза и лукаво усмехнулся.

– Лиза, я принёс тебе лекарство, – махнул головой в сторону столика. – Не стоит кричать. Научись банально благодарить людей за помощь.

Она перевела глаза и, убедившись в моих словах, перешла на более мягкий, но всё равно твёрдый тон.

– Спасибо, конечно. Но зачем ты пошёл в ванную комнату? – Слегка сбиваясь, продолжая нервно теревать края халата, протараторила она. – Прости, немного смутилась.

Провокационная улыбка засияла на моём лице, машинально наклонился к девочке и, глядя прямо в её пленительные, насыщенно-голубые глаза цвета утреннего северного сияния, с хрипотцой в голосе, прошептал, – а ты сама, как думаешь?

Б...ь! Как же сейчас хотелось проникнуть в эту белокурую головку и прочитать её самые сокровенные, потаённые мысли...

Чёрт! И проникнуть хотелось далеко не только в её головушку!

Елизавета пару секунд молча смотрела в мои глаза, а затем резко оттолкнула и, пройдя в спальню, гневно прокричала, – идиот! Ты что о себе думаешь? Я тебе сказала. И могу ещё раз повторить, Платон Аркадьевич, что меня не интересует ваша наглая, надменная, высокомерная персона.

Девчонка интенсивно замахала тонкими пальчиками возле своего покрасневшегося лица.

– Какой же высокомерный, упрямый и невоспитанный мужчина. Разве можно вот так без спроса врываться в ванную комнату девушки. Наглец и нахал.

Ненавидел женские истерики. Но сейчас Лиза меня действительно забавляла и одновременно безумно возбуждала. Твою же мать! Как же хотелось сорваться с места, сгрести её в охапку, повалить на кровать и страстно целуя каждую часть её тела, потребовать вновь повторить все те слова, которые он так смело выкрикивает, находясь в относительной безопасности.

– Всё сказала.

– Да.

Изобразив полное равнодушие, помотал головой и без лишних слов направился на выход, параллельно требовательно заявив, – выпей лекарство и пошли ужинать.

Нужно быть гораздо мудрее этой маленькой, дерзкой девочки, которая своим поведением страшно возбуждала меня, вынуждая терять контроль над собой...

Чёрт! Боялся... Боялся самого себя!

Лиза звонко усмехнулась и надменно провозгласила, – я ужинать не собираюсь. Спасибо. Сыта по горло. И спокойной ночи.

Озлобленно сверкнул глазами. Её забавное, капризное сопротивление реально начинало выводить из себя.

– Можете идти. Я вас больше не задерживаю. И вы мне не мешайте. Страшно устала.

Дрянь. Сучка малолетняя. Не хотел лишний раз проявлять грубость, но эта стерва профессионально выводила меня из себя.

Замедлил шаг, а потом, остановившись у самой двери, плавно повернулся.

– Слушай сюда и запоминай. Либо ты самостоятельно придёшь на ужин, либо, – вновь мой плотоядный взгляд мазнул её полуобнажённые, стройные, длинные ножки, – мне придётся выступить в качестве твоего транспортного средства. Выпей лекарства и пошли. Не испытывай моё терпение.

Мой голос звучал твёрдо и грозно, но при этом так хотелось, чтобы она вновь проявила свой дерзкий характер. А что, я не прочь прижать к себе строптивую малышку и как следует отшлёпать её.

– Лиза, не испытывай моё терпение. Не советую.

Терпение — это вовсе не состояние скота, который всё терпит. Это не унижение человека — совсем нет. Это не компромисс со злом — ни в коем случае. Терпение — это есть умение сохранять невозмутимость духа в тех обстоятельствах, которые этой невозмутимости препятствуют. Терпение — это есть умение идти к цели, когда встречаются на пути различные преграды. Терпение — это умение сохранять радостный дух, когда слишком много печали. Терпение есть победа и преодоление, терпение есть форма мужества — вот что такое настоящее терпение.

Б...ь. Я реально рядом с ней голову теряю, превращаясь в какого-то одержимого маньяка и садиста.

Лиза озлобленно фыркнула, но даже с места не сдвинулась.

— Это твой выбор, — плавно сделал шаг.

Лиза дёрнулась и, молниеносно подбежав к столику, мгновенно осушила стакан, затем немного поморщилась и с осуждением посмотрела в мою сторону.

— Ты маньяк! — Воскликнула она и, крепко держа стакан в руке, направилась к двери. — Пошли. Чёрт с тобой. Что угодно сделаю, лишь бы избавиться от тебя.

— Будь осторожна со своими словами, — непроизвольно, просто ощущая острую необходимость прикоснуться к манящей коже, приподнял руку и провёл пальцем по её щеке, неспешно опускаясь к райским, блаженным и таким желанным женским устам.

Лиза мгновенно отступила, лишая возможности и дальше наслаждаться бархатной кожей.

— Ты меня боишься?

Девочка храбро приподняла голову, при этом кожей чувствовал, что она действительно боится меня, но... вместе со страхом, она испытывала неконтролируемое, трепетное желания. Будь я проклят, но я ей небезразличен. По горящим глазам, стыдливо полыхающим щекам вижу...

— А тебя стоит бояться? Ты мне угрожаешь? Можешь обидеть?

Пронзительно улыбнулся.

— Смотря кому. Мои враги меня боятся и для этого у них есть причины, но для тебя я не представляю никакой угрозы, — мягко-мягко, с долей сексуальной нежности, прошептал. — Елизавета, — сменил риторику и перешёл на более суровый тон, — ты ко мне несправедлива. И я тебе уже об этом говорил. Нафантазировала себе всяких несусветных мерзостей про меня.

Лиза смущённо поводила глазами, она более не смогла выдержать зрительного контакта со мной. По всей видимости, девочка прочитала в них, всё-то, что вслух не произнёс.

— Ваши слова расходятся с делом. Говорите одно, делаете совершенно другое. Слишком непредсказуемый. Скользкий.

Есть такое выражение «скользкий человек». Еще говорят мутный, изворотливый, ненадежный. Таким людям не доверяют, посматривают на них косо, предпочитают не иметь дел. Как говорится, дыма без огня не бывает.

Но мой случай, исключение. Меня можно назвать Дон Жуаном, ловеласом, истинным ценителем женщин, но вовсе не скользким человеком. Никогда и никого не обманываю, возможно, лукавлю, но вовсе не нагло вру.

— Правда? — Широко шагнул и вновь оказался максимально близко к желанной девочке. — И в чём же это выражается?

Она приподняла подбородок, но всё равно продолжала смотреть куда угодно только не на меня.

— Во всём, — девочка нервно пробежалась пальчиками по оголённой шее. — Разве можно хватать девушку, бросать её на плечо и как варвар тащить в свою машину. И уж тем более нельзя распускать руки. Разве такое поведение достойно настоящего мужчины?

– Сильно ударил? – Мгновенно сорвался вопрос с моих губ. Чёрт. Вроде всего лишь пару раз шлёпнул, неужели силу не рассчитал?

Виновато опустил глаза.

Б...во! Никогда в своей жизни в отношении женщины не применял силу.

Лиза отрицательно помотала головой.

– Не сильно, но очень ощутимо, – а вот теперь её обиженный, угнетённый взор был направлен на меня. – Как можно так себя вести? Я же тебе не кукла безвольная.

Немного приподнял брови.

– Нет. Ты для меня не кукла безвольная, – слово в слово повторил её же фразу, правда, с совершенно, с иным контекстом. – Ты для меня маленькая, глупая девочка, которая совершенно не думает о своём здоровье и безопасности. Да в этом парке по ночам здоровые мужики боятся ходить, а ты на что рассчитывала? Или, может, острых ощущений захотелось? – Гнев охватил меня, как только представил, каким ужасам могла подвергнуться непутёвая, легкомысленная девочка, если бы нарвалась на каких-нибудь отморозков. – Тебе прошлого раза мало было. Забыла, что тебя чуть не трахнули прямо у клуба. Нравится, судьбу испытывать?

Понимал, что перегнул палку, слишком грубо разговаривал с Лизой, но по-другому не мог.

– Ладно, – подтолкнул к двери заметно погрузневшую девочку, у которой щёки не просто покраснели, а стали пунцово багряного цвета.

Она больше не сопротивлялась, неукоснительно последовала к двери.

– Надо занять твой болтливый ротик более увлекательным занятием, а то опять бред какой-нибудь брякнешь.

Лиза остановилась и, схватившись за дверную ручку, яростно повернула голову и одарила меня морозящим, озлобленным взглядом.

– Что у тебя за привычка всё опошлить? Нельзя просто пригласить на ужин. Без всяких вульгарных намёков.

Эта девочка самый настоящий убийственный, ядерный коктейль. Дикая...Дерзкая...Наивная...Невинная...Нежная...Ранимая...

– Лиза, я ничего вульгарного и уж тем более пошлого не сказал, – изобразил полное негодование. – Это ты, девочка моя, всё опошляешь. У меня даже мыслей про секс не было.

Елизавета гордо выпрямилась.

– Я не твоя девочка.

Нахмурил брови. Интересно! Опять сейчас заявит, что у неё есть молодой человек. П...ц. Даже думать не желаю, что этот сопливый юнец, что был с ней в клубе, интересен Лизе.

– Понятно. У тебя есть парень. Знаю. Помню.

– Точно! – Воскликнула она и резко распахнула дверь, но покинуть спальню не успел, одним быстрым рывком схватил малышку за тонкую талию и, моментально прижав её к стене, медленно-медленно провёл пальцами по плечу, неспешно сдирая халат с тела.

– Пусти, – она попыталась вырваться. – Отпусти, сказала. Ты мне противен. Ненавижу тебя. Я люблю другого человека.

Безмолвно улыбнулся, лаская её чувствительное, такое отзывчивое тело.

– Врёшь. Так не реагирую на ласки ненавистного мужчины. Лиза, но чего ты так боишься?

Дыхание Лизы участилось, её грудь суетливо поднималась и опускалась, глаза наполнились паническим ужасом.

– Отпусти меня, – взмолилась она, когда моя рука инстинктивно опустилась на её бедро.

– Платон, пожалуйста, отпусти меня. Я действительно боюсь тебя.

Последняя реплика отрезвила мой затуманенный разум. Злобно рыкнул и отошёл от малышки.

– Прости. Мне действительно сложно контролировать себя. Ты постоянно провоцируешь меня.

– Чем? Я из последних сил пытаюсь не попадаться тебе на глаза. Даже из фирмы Ворошилова уволилась. Чем я тебя провоцирую? – Истерично повторила она.

Мрачно усмехнулся.

– Одним своим видом. Лиза, ты мне правда очень понравилась. И я в отличие от тебя, не боюсь признаться в своём желании. Но в одном ты права. Распускать руки и пользоваться ситуацией я не буду, – утвердительно заявил, сам не веря своему обещанию. – Но при условии, что ты не выкинешь очередную глупость.

– Не выкину. Можешь не сомневаться, – она из последних сил пыталась доказать мне, что мои прикосновения ей неприятны и даже ненавистны.

Надменно ухмыльнулся.

– Не выкинешь, лишь бы я больше к тебе не прикасался.

– Да.

Снисходительно помотал головой.

– Лиза, ты никуда от меня не денешься. Рано или поздно, но ты сама придёшь ко мне.

Девочка высокомерно хныкнула.

– Ты меня хочешь. По глазкам твоим страстным вижу что хочешь.

– Глаза протри или очки купи. Потому что, кроме отвращения ты больше ничего в моих глазах увидеть не можешь.

Глава 5. Лиза

Очень многие мужчины уверены, что женщины ценят их исключительно за платёжеспособность. На самом деле, женщин чаще всего впечатляет в мужчинах уверенность и сила характера. И так уж совпадает, что именно сильные и уверенные в себе мужчины, как правило, обладают и деньгами, и властью.

Робко приподняла глаза и моментально зафиксировала, как Морозов медленно, без какого-либо стыда, блуждает своим цепким взором по моей шее, неспешно опускаясь всё ниже и ниже к груди.

Чёрт! Он вместо того, чтобы поглощать изысканные блюда, буквально глазами пожирает меня.

Учащённо задышала. Почему его плотоядный, слащаво-приторный взгляд не вызывает у меня никакого осуждения и отвращения. Блин! Откуда это сексуальное, провокационное, постыдное волнение?

Резко отложила столовые приборы, они звонко ударились о тарелку. Надеюсь привлечь внимание мужчины.

Но Морозов даже не шелохнулся.

Невольно вспомнила маму, которая всегда восхищалась сильными, властными, решительными мужчинами, которые, как правило, обладают большими деньгами и почти безграничной властью. Наверное, большинство власть имущих это и отличает, привлекательна изначально их внутренняя сила, которая и позволила им подняться на какие-то вершины. Ну и кроме того, когда видишь, как все вокруг подчиняются этому человеку, уважают его, даже трепещут перед ним - это завораживает: все поклоняются ему, он особенный.

У мамы была чуждая мне философия, хорошо помню, что она мне говорила, когда начала встречаться с женатым Ворошиловым: «- Я, конечно, могу быть любовницей, я достаточно терпелива, чтобы годами ждать, когда мой мужчина решится развестись с женой. А ведь властным мужчинам, как правило, очень трудно оставить семью, именно из-за их высокого положения. Парадокс - чем больше власти у человека, тем меньше свободы. "Все могут короли" и так далее. Да, я могу быть терпеливой любовницей, но в идеале, конечно, хотела бы быть верной женой, спутницей всей жизни, матерью его детей, хранительницей очага и первой леди, соответственно. Помогать, советовать, участвовать во всяких светских раутах, оберегать его покой, улаживать его в постели, заботиться о доме, блистать на приёмах...».

– Ты маме звонил? – Постаралась абстрагироваться от ситуации, поборов упаднические настроения, задала отстранённый вопрос.

Морозов устало выдохнул и, наконец-то, оторвал свой пожирающий, хищный взгляд от моей интимной части тела.

Машинально поправила края халата на груди и нервно сглотнула, наблюдая за харизматичным, чертовски соблазнительным мужчиной.

– Нет. Не звонил, – монотонно, сквозь плотно сжатые зубы, процедил он.

Виновато опустила глаза. Постепенно гнев на маму стал угасать. Осознавала, что наговорила матери кучу чудовищных вещей. И она, бесспорно, была права. Даже несмотря на мои выпады, поднимать руку на меня, мама не имела права. В общем, стоит признать, что в этом конфликте обе были виноваты.

– Я ей сама позвоню, – представляю, как она сейчас переживает.

Встала из-за стола и уже собралась последовать в спальню за телефоном, как внезапно Морозов лихо вскочил и, перегородив мне дорогу, решительно замотал головой.

– Она сама мне звонила. Можешь не волноваться, – Морозов осторожно прикоснулся к моему плечу и бережно подтолкнул к столу. – Можешь спокойно поужинать. Завтра я отвезу тебя домой.

«Завтра я отвезу тебя домой!». Его беспечная фраза эхом раздалась в ушах. В смысле он сам отвезёт меня домой?

– Почему ты не сказал, что мама звонила? – Не стала акцентировать внимание на его последней реплике.

Морозов снисходительно улыбнулся.

– Хотел тебе сказать, но ты же слова не даёшь мне вставить. Постоянно возмущаешься. Ты реально, как капризный ребёнок.

– Сам ты капризный ребёнок, – развернулась и села обратно за стол.

Достал уже! Глубоко вздохнула. Представляю, что творится в душе у моей матери. Чёрт! Действительно, чёрт меня дёрнул уходить из дома. Стоило сначала успокоиться, я же, как всегда, эмоционально среагировала и вот, пожалуйста – плачевный результат.

Моментально подняла глаза на Морозова, который вальяжно расположился напротив меня и умиротворённо поглощал, небольшими глотками тёмно-красный алкогольный напиток.

Как же меня угораздило вляпаться по самые уши. Заворожённо и взволнованно наблюдала за ним, инстинктивно ощущая опасность. Он и в трезвом состоянии ведёт себя как маньяк, помешанный на сексе. Один бог знает, какие трансформации с ним произойдут, когда его сознание будет искажённо.

– Когда фиалки льют благоуханье, – неожиданно с трепетом, с романтическим настроем, прошептал Морозов. – И веет ветра внешнего дыхания. Мудрец – кто пьёт с возлюбленной вино, разбив о камень чашу покаянья.

Ехидно растянула губы.

– Платон Аркадьевич, вы меня удивляете! – Беспечно взяла столовые приборы и, отрезав небольшой кусочек мяса, ловко закинула его рот.

– Почему? – Непринуждённый вопрос сорвался с мужских губ. – Ты думаешь, что я до такой степени чёрствый человек? Действительно, считаешь, что я не способен на романтику? – Он утвердительно, вопросительно махнул заострённым подбородком, настойчиво требуя искреннего ответа.

Машинально облизала губы и, тщательно переживав сочный мясной кусочек, задорно провозгласила, – да! Именно так я и считаю. Думаю, что вы жестокий, бессердечный человек, который не перед чем не остановится ради достижения своих целей.

– Это хорошо, – с весёлым настроем провозгласил Морозов и допил остатки вина, а затем поставив бокал на стол, игриво подмигнул мне. – Это очень даже хорошо.

Озадаченно приподняла брови, продолжая лишний раз убеждаться, что алкогольные напитки существенно влияют на мозговую деятельность.

– Что здесь хорошего? Я ничего хорошего вам не сказала. Откуда этот неуместный вос-торг?

Морозов приглушённо ухмыльнулся.

– Неважно, что ты обо мне думаешь. Главное, что ты, вообще, обо мне думаешь, – он нарочито помахал пальцем. – Самое страшное – равнодушие... Даже когда ругаешься, злишься, всё равно это какие-то эмоции. А вот когда тебе становится всё равно, тогда стоит задуматься.

Надо признать, что этот человек умеет ловить «за язык». Надо было сказать, что он мне в принципе безразличен. Но что уж теперь. Сказала, что сказала. Слово не воробей, обратно не вернёшь.

– Не обольщайся, – язвительно буркнула я, глядя в его нахальную, самодовольную физиономию.

Морозов опустил локти на стол и, немного наклонив голову набок, с задумчивым выражением лица, спросил, – Лиза, позволь задать тебе вопрос?

Удивительные метаморфозы происходили с Морозовым после бокала вина. Надо же... Он теперь разрешения просит, чтобы задать вопрос.

– Задавай. Тем более что ты всё равно спросишь и без моего дозволения.

– Почему ты пошла в парк? – Серьёзным тоном задал вопрос Морозов.

– А куда мне прикажешь было идти? – Мгновенно задала риторический вопрос. – Прямым к тебе.

Лицо мужчины оставалось непроницаемым, сложно было понять, о чём именно он думает, а главное, к чему задал этот вопрос.

– Ну извини, адреса не знала.

– К друзьям, – проигнорировав мой сарказм, оставаясь серьёзным и сосредоточенным, проговорил он. – Почему не пошла к своим друзьям? Ну или к своему, – он брезгливо поморщился, – так называемому жениху?

Что началось гневом, оканчивается стыдом. Разозлилась на мать и совершила глупый поступок, а когда одумалась было уже поздно. Стыдно на ночь глядя было обращаться к друзьям, включая Стёпу. Что должна была сказать? Что я взрослая девка, словно школьница поругалась с матерью и сбежала из дома. Нет. Лучше уж мёрзнуть под проливным дождём в тёмном парке в гордом одиночестве.

– Тебя это не касается.

Морозов, к моему удивлению, спорить не стал.

– Хорошо. Тогда ответь на вопрос, который напрямую касается меня.

Заинтриговано ухмыльнулась.

– А вот это интересно. И что же напрямую касается тебя?

Дьявольский, провокационный огонёк запылал в глубине его глаз, он слегка наклонился вперёд, чтобы лучше видеть выражением моего лица.

– Ты почему с матерью поругалась? Что такого между вами произошло, что ты на ночь глядя из дома сбежала? Неужели, ты так отчаянно защищала меня, что в результате в качестве протеста ушла из дома.

Невольно закатила глаза. Вот же самодовольный мужлан.

– Иногда в семье происходят ссоры. Даже между любящими друг друга людьми случаются недоразумения. Ясно? – Гневно сузила глаза, сосредоточенно всматриваясь в лицо мужчины, который явно наслаждался ситуацией.

Как же хотелось стереть с его физиономии улыбку, которая так и источала силу, власть, он ощущал себя победителем, вершителем чужих судеб. Чёртовым спасителем.

– Но тебе этого не понять. Ты вряд ли способен, кого-то полюбить, кроме себя.

– Ты не права. Я довольно самокритичен.

С откровенным недоверием шире распахнула глаза. Как же! Самокритичен он.

– Каждый день беспощадно критикую себя за недостаточную любовь к себе, – обворожительная, притягательная улыбка озарила его лицо. – Лиза, надо научиться жить здесь и сейчас.

– Спасибо. Обязательно воспользуюсь советом, который я у тебя не просила.

Морозов угрюмо свёл брови.

– Ты никогда не просила у меня помощи. Но постоянно в ней нуждаешься. И заметь, я всегда тебе помогаю. Может, я твой ангел-хранитель.

Пренебрежительно хныкнула.

– За какие такие грехи мне такой ангел-хранитель достался?

Морозов улыбнулся.

– Смею заметить, что и ты далеко не подарок.

– Не подарок, – насадила кусок мяса на остриё вилки, – но уж какая есть. Одного не могу понять. Ты зачем со мной возишься? – Медленно приподняла вилку и кокетливо ухмыляясь, закинула кусок в рот.

Глаза мужчины наполнились опасным, ярко-полыхающим страстным светом.

– Я хочу тебя. Именно тебя. И только тебя. Ты ведьма. Никак иначе не могу объяснить тот факт, что ты никак не покидаешь мои эротические фантазии.

Понимала, что Морозов деликатным, джентльменскими манерами не отличается, он не раз демонстрировал варварские методы решения проблем, но это уже переходило все границы...

– Твои фантазии так и останутся фантазиями. Ты мне неинтересен.

Морозов соблазнительно приоткрыл рот, продолжая прожигать меня морозящим душу, взглядом.

Блин. Говорила твёрдо и уверенно, но при этом сама себе не верила, а уж этот опытный сердцеед и подавно чувствовал, какие безумные, неконтролируемые эмоции вызывает в юном девищем сердце.

Платон неспешно взял яблоко и, разрезав его на четыре части, с наслаждением преподнёс частичку «греховного» фрукта к губам.

– Значит, наши отношения невозможны?

– Невозможны.

Морозов широко улыбнулся.

– Слово «невозможно» ещё больше разжигает во мне азарт.

Нервно сглотнула.

– Ладно. Уже поздно. Пойду спать. Если ты, конечно, не против, – фыркнула я и поднялась на ноги.

– Против, – Морозов отложил половинку яблока и уверенным шагом направился ко мне.

– Нам следует обсудить ещё один важный вопрос.

Интуитивно отступила и, прижавшись к стене, уточнила, – какой ещё вопрос?

– Нашей дальнейшей жизни.

Стыдливая краска против моей воли окрасила лицо, нервно задышала, ощущая болезненное, жгучее желание... Стыдилась и параллельно хотела. Желала вновь ощутить мужские губы на своих устах.

Боже! Нельзя поддаваться запретному искушению. Он соблазняет меня. Специально провоцирует, его томный взгляд пробуждал низменные чувства. На мгновение захотела, послать всё к чертям собачьим и яростно прижаться к его губам. Становилась зависимой от него.

– С тобой всё хорошо?

– Да, – выдавила краткое согласие.

Его уста соблазнительно дрогнули.

– Что, да?

Отягощено сглотнула.

– Со мной всё хорошо, – инстинктивно сильнее прижалась филейной частью к стене, безуспешно пытаюсь отстраниться от мужчины. – Почему спрашиваешь?

Морозов непринуждённо пожал плечами.

– Ты просто похожа на Сеньора Помидора.

Обескураженно ахнула.

– Душно.

– Душно, – с откровенной иронией, сладко повторил он. – Тебе жарко. Можешь раздеться. Я не против.

Придурок.

– Нет. Спасибо.

Самодовольный нахал ещё шире растянул свои пленительные губы.

– Платон, говори уже, – требовательно провозгласила.

– Что, говорить? – Словно в бреду переспросил он, не отрывая пожирающего взора от моих губ. – Малышка, у меня реально рядом с тобой башку сносит. Я даже забыл, о чём мы говорили.

С раздражением посмотрела на него.

– Хватит дурака валять.

Мужчина продолжал испытывать моё терпение, упрямо молчал, пронзительно впиваясь своими проникновенными очами, которые напоминали два сияющих алмаза.

Почему он на меня так действует?

Зачем так смотрит? Действительно гипнотизирует. Раскрепощает.

Безжалостно приникает в душу. Бессовестно, неискушённое тело порабощает...

Глава 6. Лиза

– Говори, – сильнее прижалась к стене, безуспешно стремясь сократить расстояние между мной и Морозовым.

Мужская брутальность давила на меня. Этот Морозов сущий дьявол, одним лишь взглядом, коротким словом водил меня в ступор, лишал дара речи, завладевал мыслями. Тело дрожало, никак не могла справиться с эмоциями, подавить свой страх.

И что же в нём такого? Обычный человек. А действовал на меня как удав на кролика. Даже слова поперёк сказать не могла, губы словно немели.

– Спасибо за разрешение, – с присущей ему неуместной иронией, провозгласил Морозов.

– Лиза, моё предложение остаётся в силе. Нельзя постоянно держаться за материнскую юбку.

Морозов надменно, с откровенной издёвкой покривил пленительные губы.

– Да что тебе известно про мои отношения с матерью?

Мужчина снисходительно кивнул, будто бы был истинным знатоком, отлично разбирался в конфликтных ситуациях.

– У матерей нередко бывают сложные отношения с взрослыми дочерьми. Это очень частое явление, просто о нем не говорят вслух. Обе стороны в глубине души чувствуют себя подавленными и виноватыми из-за того, что, будучи самыми близкими людьми, не могут наладить хорошие отношения.

Тяжело вздохнула.

– Причина в том, что дочери не хотят вмешательства матерей в их жизнь. Они оберегают своё пространство, защищают свои границы от маминого вторжения, которое порой бывает бесцеремонным. Для взрослой дочери очень важно иметь свои границы. Она хочет сама распоряжаться своей жизнью и решать, кого в неё впускать, – Морозов лукаво улыбнулся. – Поэтому взрослые дочки не хотят слишком часто общаться с мамами, выходить с ними на связь. Они редко звонят по телефону, редко заходят. Необходимость общения с мамой каждый раз становится для дочери испытанием. Иногда дочери срываются, грубят. Мать в этом случае страдает. Думает: «За что? Я этого не заслужила. Я люблю дочку больше всего на свете. Я так хочу общения, любви, тепла...».

Гениально! Прямо глаза мне раскрыл. Можно подумать, без него не знала прописных, жизненных постулатов. Только вот ошибся всезнающий Платон Аркадьевич... Он мне рассказывает про модель общения своей добродушной сестры и своенравной, невоспитанной племянницы, у нас с же с Валерией Владимировной всё гораздо и гораздо сложнее.

– Хочешь, чтобы я работала у тебя?

Платон приподнял одну руку и, прижав её к стене, утвердительно помотал головой.

– И параллельно была твоей любовницей, – безапелляционно, с откровенным пренебрежением добавила я.

Без особого смущения наглец пожал плечами. Его сомнение выводило из себя, этот высокомерный мужлан даже не собирался скрывать свои истинные намерения.

– Было бы неплохо. Но выбор остаётся за тобой. Лиза, – он с особенной нежностью и мягкостью произнёс моё имя и немного наклонил голову, неуклонно приближаясь к моему покрасневшему лицу. – Я действительно заинтересовался тобой и не собираюсь от тебя отказываться, но принуждать не собираюсь. А вот соблазнять обязательно буду.

Немного опустила ресницы, ощущая внутренний жар. Боялась подпускать мужчину слишком близко. Не могла до конца поверить его словам. Нет. Поняла уже, что принуждать женщину он не станет, да ему это и не нужно... Не верила, что Морозов реально заинтересовался именно мной. Я для него слишком простая, обычная, ничем не приметная девочка.

– Лиза, соглашайся. У тебя будут прекрасные перспективы.

Плавню приподняла голову.

– Если я соглашусь, то мама меня точно проклянёт. Она выгонит меня из дома и больше на порог не пустит, – утруднено выдохнула. – И будет права. Потому что твоё предложение – самая настоящая провокация.

Морозов слегка растерялся, я же, воспользовавшись ситуацией, ловко выскользнула из плена и обойдя его, обессиленно присела на стул.

– Но жильём, допустим, я тебя обеспечу. Здесь проблем не будет.

Непроизвольно очень быстро обвела просторную кухню встревоженным взглядом.

– В каком смысле обеспечишь?

– В прямом. Будешь здесь жить. Квартира просторная. Мы с тобой друг другу мешать не будем. Я буду иногда приезжать. Возможно, даже не один, – дьявольская, вульгарная ухмылка зафиксировалась на его губах. – Ты никогда не участвовала в групповом сексе.

Пошляк. Свинья.

Густо покраснела. Квартира, бесспорно, огромная, но жить в его доме я точно не собиралась. И уж тем более не намеревалась участвовать в его извращённых играх.

Изумлённо захлопала ресницами. Так и подмывало послать его на три известных буквы. Сволочь! Он меня действительно ставит в один ряд со своими девицами легкомысленными. Ему ещё и одной женщины мало...

Бросить колкую фразу и послать Морозова не успела, уголки его губ молниеносно взлетели, и он звонко рассмеялся.

Подонки. Он просто издевается надо мной. Я нахожусь в ужасном положении, выхода из которого не вижу, а этот подлец откровенно издевается.

Яростно вскочила.

– Лиза, успокойся, – его тёплые пальцы коснулись моих плеч. – Я правда готов обеспечить тебя жильём. Если ты согласишься работать в моей фирме, то как особо ценному сотруднику, я готов предоставить тебе служебное жильё.

Снова издевается. Особо ценный сотрудник я для него. Конечно!

С откровенным вызовом и возмущением скользнула взглядом по мужскому силуэту, лишней раз убеждаясь, что Морозов в великолепной физической форме. Чёрт! У меня реально помутнее рассудка.

– Прекрати надо мной издеваться, – грубо стряхнула его руку. – Какую ценность я могу представлять для твоей фирмы. У меня совершенно нет опыта.

– Это правда. У тебя нет опыта, но ты очень креативная девушка, – без какой-либо издёвки, заявил он. – Крёстная в восторге от твоих идей. Моя фирма в основном занимается строительством. Ландшафтных дизайнеров можно по пальцам пересчитать. А сейчас этот вид деятельности развивается и востребован на рынке.

Суетливо поводи́ла глазами.

– Не знаю. Мама точно не одобрит моё решение. Да её буквально взорвёт.

Представляю, какой ураган негатива завтра на меня обрушится. А если я ей скажу, что приняла предложение Морозова...

Устало прикрыла глаза. С другой стороны, я ничего плохого не совершаю. Это всего лишь работа и ничего более...

Морозов нежно обхватил меня за подбородок, медленно приоткрыла веки и заглянула в его глаза. Может я ошибаюсь, но в глазах Платона было столько нежности. Что-то подсказывало, что он вовсе не играет со мной. Страшно ошибиться. Не хотела боли. Испытать унижение.

– Твоя мать запрещает тебе со мной общаться, но при этом, когда ты ушла из дома, она обратилась именно ко мне. Извини, Лиза, но, мягко говоря, у твоей матери двойные стандарты. Биполярочка прослеживается, – Платон убрал руку. – Она эгоистка. Ты должна стать самостоятельной личностью. Исходи из собственных интересов.

– Откуда ты знаешь какие у меня интересы? Может, я не хочу работать в твоей компании. Ты такой вариант не рассматривал. И дело вовсе не в маме. Вернее, – моментально поправи-
лась, – не только в маме.

Морозов озадаченно покачал подбородком и, сведя руки на груди, произнёс, – ты
боишься меня?

Усмехнулась.

– Тебе не надоело повторять один и тот же вопрос.

Платон приподнял руки, как будто бы выбрасывая белый флаг и объявляя временное
перемирие.

– Смотри. Предлагаю тебе забыть всё, что между нами было. Начнём с чистого листа.
Обещаю, что больше не буду оказывать тебе никакие знаки внимания. Буду ждать.

Сомнение блеснуло в моих глазах. Обида капризно топнула ногой.

– Будешь ждать? Чего?

– Тебя. Ты даже не представляешь, насколько я терпелив.

Невольно улыбнулась и моментально заметила, как мужской взгляд заврожённо остано-
вился на моих губах.

– Что?

– У тебя очень красивая улыбка, – с придыханием прошептал он, не отрывая взгляда от
моих губ.

Морозов плавно приподнял глаза.

– Современные мужчины имеют слабое представление о том, как привлечь внимание
женщины и покорить её сердце. Избитый шаблон «Красавица, давай сходим на свидание» уже
давно не работает! Каждая девушка уникальна. Чтобы добиться любви, нам, мужчинам, нужно
быть изобретательными и внимательными.

Смущённо заводила глазами, ощущая, что моё влечение к дьявольскому искустителю
нарастает с невероятной скоростью, буквально растворялась под его горячим взглядом, уто-
пала в дурманящих словах.

Тайная страсть заполняла сердце.

– Лиза, признайся, что тебя заводят запретные отношения.

Багровая краска запыла на моих щеках. Замотала головой, отвергая его провокаци-
онное утверждение.

– Дочка, признаю, – мама встала напротив меня, лишая возможности дальше собирать
вещи. – Милая, прости меня. Вспылила, но разве это повод уходить из дома?

С грустью посмотрела на весьма и весьма проницательную женщину.

– Я не злюсь на тебя, – аккуратно сложила кофту и положила её в чемодан. – Но думаю,
что мне пора принимать решения самостоятельно. Я буду работать у Морозова.

Мама высокомерно хохотнула и с обескураженным выражением лица яростно замотала
головой.

– Боже, Лиза! – Она отчаянно прижала ладонь к виску. – Ты с ума сошла. Ты что не
понимаешь, что этот мерзавец пользуется положением. Он хочет мне отомстить.

Проникновенно усмехнулась и, высоко подняв голову, произнесла, – мерзавец, гово-
ришь! Так почему же ты обратилась именно к этому мерзавцу? Морозов — значит мерзавец,
а ты у нас ангел в белом пальто.

И снова атмосфера в комнате начала накаляться до предела. Маме очень не понравился
мой колкий вопрос. Она отвернулась от меня и глядя в пол, промолвила, – ты права. Как ока-
залось, кроме Морозова мне по сути и обратиться было не к кому. У меня, бесспорно, есть
связи, но сама понимаешь, они не идут ни в какое сравнение с возможностями Морозова. Пока
бы я дозвонилась до нужных людей, утро бы наступило.

Ближе подошла к матери.

– А Ворошилов?

Мама угрюмо свела брови и пренебрежительно взмахнула рукой.

– Да что он может. Одним словом, пустое место, – она перевела на меня молящий взгляд.

– Лиза, не уезжай. Ну где ты будешь жить? Ты хоть представляешь, сколько стоит снимать жильё. На твою зарплату ты сможешь себе позволить какую-нибудь лачугу на самой окраине.

Смущённо опустила глаза. Понимала, что если скажу маме о том, что Морозов предложил мне служебное жильё в центре города, то точно спровоцирую новую волну гнева и ярости. Лучше промолчу. Потом как-нибудь скажу. Ей бы сейчас эту информацию переварить.

– Ты привыкла к совершенно другим условиям жизни.

– Ничего я справлюсь.

Мама злобно покривила губами и принялась суетливо рассказывать из угла в угол.

– Хорошо. Решила поиграть во взрослую, независимую девочку, – она резко замерла и широко развела руками, – прекрасно! Но предупреждаю, что от меня не получишь ни копейки. Посмотрим, как долго ты протерпишься. Даю тебе два месяца. Максим два месяца, – озлобленно прорычала она.

– И что будет потом? – Равнодушно задала вопрос.

Не собиралась поддаваться на её шантаж и банальные манипуляции. Сама до конца сомневалась, допускала, что совершаю роковую ошибку, но это мой выбор. Мой и больше ничей...

Самые лучшие уроки мы получаем, когда делаем ошибки, ошибка прошлого – мудрость будущего.

– А потом ты осознаёшь, что совершила страшную ошибку, – мама неспешной, немного покачивающейся походкой подошла к окну. – Хлебнёшь по пол..., – она внезапно замолчала, так и не завершив свою пылку фразу.

Повернулась к матери и увидела, что она словно окаменела, стояла, не шевелясь, яростно всматриваясь в окно.

Что она там увидела?

– Это Морозов, что ли? – Её разорённый взгляд мгновенно упал на меня. – Лиза, ты на такси приехала или тебя Морозов привёз? Вы что вместе ночевали?

Град вопросов посыпался на меня. Чёртов Морозов. Просила же уезжать. Сказала же, что сама доберусь. Вот же упрямый баран. Специально усугубляет ситуацию.

– Да. Морозов. Но мама, – оправдательно простонала я, – между нами ничего нет и быть не может. Я ночевала в его квартире в другой комнате. Он обещал, что между нами будут только служебные отношения и ничего более.

Злобные молнии засверкали в материнских глазах.

– Лиза, какая же ты глупая, наивная девочка. Ты совершаешь огромную ошибку. Он попользуется тобой и выбросит. Ты можешь понять, – она яростно замахала руками, – что он хочет сделать больно мне. Так, ладно, – мама молниеносно подлетела к чемодану и принялась активно вытаскивать вещи. – Ты никуда не поедешь. Я не позволю этому подонку сломать твою жизнь.

Неторопливо подошла к матери и, бережно схватив её за запястье, громогласно проговорила, – ты его ревнуешь? Я тебя правильно поняла? Мама, признайся, что ты не за меня волнуешься, а Морозова ревнуешь.

– Бред. Ерунда, – она отчаянно отвергала мои слова. – Этот человек мне безразличен. Не забывай, что это он за мной бегал. Извращенец, – гневно рывкнула она. – Мать в постель затащить не смог, так на тебя переключился.

Чем усерднее мать отвергала моё предположение, тем сильнее убеждалась, что ревность её одолевает. Проклятие!

– Мама, поклянись, что Морозов тебе безразличен.

Женщина тяжело вздохнула и угрюмо усмехнувшись, медленно подошла к окну и пронзительно взглянула на беспечного Морозова.

– А если я скажу, что он мне небезразличен, что ты сделаешь? Пойдёшь вместе с ним?

Замерла. Меня словно гвоздями прибило к полу. Нет... Это уже слишком.

– Ты так специально говоришь, – протараторила. – Ты же любишь Дмитрия Львовича.

Отчаянно проговаривал каждое слово, до последнего убеждая себя, что мама вовсе не интересуется Морозовым. Она манипулирует, использует хитрость... Нет ей дела до Морозова...

Ответа от матери не последовало, она лишь надменно усмехнулась.

– Лиза, ты у меня ещё такая маленькая и глупенькая.

– Какая есть. Но хотя бы мужчин не использую, – решительно приблизилась к матери. – Признайся, что ты испытываешь к Морозову?

Мама недвусмысленно обвела его угнетённым, томным взглядом.

– Не знаю. Вот смотрю на него и понимаю, что меня к нему влечёт. Думаю, что он вовсе не использует тебя. Вернее, – она отстранилась от окна и быстро задвинула штору, – помогая тебе, он хочет сблизиться со мной. Понимаешь?

Сердце лихорадочно забилося в груди. Если бы она только знала, с какой страстью и похотливым рвением он оказывает мне помощь. У меня было очень мало опыта в общении с мужчинами, но женская интуиция присутствовала. Чувствовала, что Платон ко мне что-то испытывает, правда не знаю до какой степени его чувства сильные и как быстро они пройдут...

– А что, если ты ему безразлична? Ты допускаешь возможность, что Морозов даже мстить тебе не собирается. Не допускаешь вероятность, что ему на тебя плевать. Прости, конечно, – прижала руку к груди, – за грубость. Но не знаю, как по-другому сформулировать вопрос.

– Нет. Не допускаю. Я очень хорошо знаю Платона. Слишком хорошо.

Внутри что-то дрогнуло. Они же не спали? Нет..нет...нет... Она утверждала, что между ними никогда ничего не было. Лишь невинные ухаживания и кокетство с её стороны.

Глава 7. Платон

Дыхание осени касалось моего лица, приподнял глаза и пристально посмотрел на окно, за которым находилась разъярённая Валерия. Встретившись с ней глазами, она озлобленно поморщилась и что-то проговорила... Её губы раздражённо подрагивали, чувствовал её ненависть и злость, с наслаждением усмехнулся, искренне наслаждался её беспомощным положением.

Эта коварная женщина была похожа на ядовитую кобру, у которой вырвали клыки и теперь она лишь может шипеть...

Понятное дело, что именно сказала эта дрянь, не слышал, но несложно было догадаться, что она проклинала меня, на чём свет стоит. Прекрасно! Сука, наши с тобой чувства абсолютно взаимные. Она ненавидела меня, но я полностью и безгранично отвечал ей взаимностью. Виктория совершенно права, мы с ней кардинально отличаемся от миролюбивой и добродушной Светланы, которая смогла простить предательство.

Стерва... Дьяволица с ангельским личиком. Строила из себя святую, а на деле оказалась прогнившей дрянью. Заползла в наш дом, хитростью проникла в семью своей подруги, а затем, вероломно ударила в спину. Проклятая сука! И как только эту бесстыжую дрянь земля носит!

Многие утверждают, что сильная ненависть часто порождает безумную страсть. Но у нас с Валерией она порождала лишь лютую вражду. Мы всегда будем враждовать, может быть по той причине, что похожи. Оба эгоистичны, себялюбивы и не перед чем не остановимся на пути к своей цели.

Только вот самоуверенность Валерии сыграла с ней злую шутку, она выбрала себе соперника, которого одолеть не сможет.

Каждый из нас стремится к уверенности в себе, и это вполне здоровое желание. Однако, как показывает практика, излишняя самоуверенность может быть не менее опасна, чем низкая самооценка.

Излишняя самоуверенность, которую можно спутать с высоким уровнем самооценки, на деле скрывает отсутствие осознания своих реальных возможностей и ограничений. Такие люди склонны переоценивать собственные силы, игнорировать критические замечания, а также убеждены в безошибочности своих действий. Однако постоянное «соперничество» с реальностью может привести к серьёзным негативным последствиям, как в личной, так и в профессиональной сфере.

Валерия предчувствовала свой скорый, ужасный конец! Удивительно, она до такой степени была уверена в своих силах, что аж противно становилось, при этом банальная пустышка. А вот Елизавета, наоборот, даже не представляет насколько сильная и независимая, умная девушка, но при этом совершенно не верит в свои силы.

Валерия неисправимая эгоистка, которая любила лишь себя...

Есть три разряда эгоистов: эгоисты, которые сами живут и жить дают другим; эгоисты, которые сами живут и не дают жить другим; наконец, эгоисты, которые сами не живут и другим жить не дают. Я принадлежал к первой категории, а вот Валерия точно к последней... Она сама не может нормально жить и наслаждаться, и другим не даёт.

Железная дверь подъезда распахнулась и из дома вылетела Елизавета, она волокла за собой чемодан и параллельно прожигала меня озлобленным, искренне ненавидящим взглядом.

– Что-то ты долго? – Стремительно приблизился к девочке и попытался забрать чемодан, но она крепче сжала ручку и не позволила ей помочь. – Лиза, позволь помочь. Пожалуйста, – очень мягко и трепетно прошептал, привлекая внимание девушки, осознавая, что Валерия буквально закипает от собственной беспомощности.

Малышка вздёрнула подбородок и яростно замотала головой.

– Спасибо. Помог уже. Я же тебя просила, – она попыталась вырвать чемодан из моих рук, но куда там, бережно оттолкнул её руку и, схватив одной рукой её поклажу, второй подтолкнул дерзкую, строптивую гордячку к машине. – Пусти. Пусти... Сказала. Я никуда с тобой не поеду. Ты не держишь свои обещания. Я тебе не верю, – она развернулась и её горящий, убийственный взгляд, наполненный откровенной ненавистью и злобой, зафиксировался на моём лице. – Ты подлец и обманщик. Я тебе совершенно не верю.

Дерзкая малышка удручённо усмехнулась.

– Что тебе ещё от меня нужно? Оставь меня в покое. Убейся. Видеть тебя не хочу.

Бесила меня. Выводила из себя, но при этом параллельно безумно возбуждала. Как же хотелось выкинуть чёртов чемодан и, схватив малышку, затолкать её в автомобиль и отвезти в своё укромное место. Эта дикая кобылка нуждалась в воспитании, и я обязательно преподам малышке парочку уроков, но только не сейчас. Время не пришло. Она должна научиться мне доверять. Действовать необходимо более тонко и мягко. Ничего. Пусть пока покапризничает, покажет свой характер... Это лишь временное явление, она очень скоро превратится в ласкового, покорного котёнка. Лиза рядом со мной более рычать не будет, она будет лишь смиренно и удовлетворённо мурлыкать.

– Лиза, не устраивай предоставлений. Садись в машину. Прекрати вести себя как ребёнок, лишний раз доказывая своей матери, что ты лишь малышка.

Елизавета высокомерно фыркнула и свела руки на груди, демонстративно показывая, что выполнять мои указания не будет.

Б...ь. Сучка стаптывая. Да она в тысячу раз опаснее своей матери.

– Ладно, – неимоверными усилиями поборол злость, здравый смысл возобладал, хотя я был почти на грани. Всегда умел держать себя в руках, обладал превосходным и неоспоримым хладнокровием, но эта девица мёртвого доведёт. – Я тебе не обещал, что уеду. Ты сама так посчитала. Что плохого я сделал? – С фальшивой наивностью задал вопрос. – Я лишь хотел помочь, – покосился на окно, за которым упрямо продолжала стоять Валерия и внимательно наблюдала за скандальной сценой. – Хочу показать тебе квартиру. Убедиться, что тебя всё устраивает. Проявляю банальную заботу, – прекрасно зная, что мать Лизы пристально следит за нами, демонстративно прикоснулся холодными пальцами к полыхающим девичьим щекам. – Зачем ты борешься со мной? Срываешь злость на человеке, вина, которого заключается лишь в том, что он хочет помочь. И ничего более.

– От твоей заботы у меня одни проблемы. Мы же с тобой обо всё договорились. А ты нарушил обещание. И можешь больше не оправдываться, – огрызнулась она. – Ты лишь придумываешь причины.

– Нет. У тебя проблемы не от меня, – решительно заявил я. – У тебя проблемы из-за твоей матери. Лиза, садись в машину. Я отвезу тебя. А потом ты спокойно приедешь и заберёшь свой автомобиль, – перевёл глаза на её серебристый Инфинити. – Умоляю тебя, давай не будет устраивать публичный скандал.

Девочка с сожалением поймала мой взгляд.

– Нет у меня никакой машины. Мама меня всего лишила. Я теперь гол как сокол. Она доказала, что я без неё ничего не стою. Ждёт, когда приползу к ней с опущенной головой и на коленях начну вымаливать прощения.

Ласково улыбнулся и, бережно подняв её руку, поцеловал каждый маленький, аккуратненький пальчик.

– Ты сильная и самостоятельная девушка. И ты никогда не приползёшь к ней на коленях.

Елизавета гордо взмахнула головой.

– Вот и хорошо. Очень скоро ты заработаешь и сможешь позволить себе и автомобиль, и квартиру. Лиза, вот увидишь, что твоя мать осознаёт, что ты самостоятельная, независимая личность.

Настоящий соблазн плетётся как изящное кружево, но связывает крепче альпинистской верёвки... Ловко играл на слабостях юной, гордой девочки. Если я скажу, что готов подарить все блага, то она, будучи человеком свободолюбивым, посчитает, что я её покупаю. А такая девочка не покупается и не продаётся... Её надо постепенно раскрепощать, плавно и сладко окутывать невидимыми, стальными нитями. Она сама не заметит, как впадёт в полную мою зависимость.

– Хорошо, – обречённо выдавила она из себя согласие и побрела к автомобилю. – Может ты и прав. В любом случае устраивать публичный скандал на потеху зрителям не следует.

Быстро последовал за ней, лихо закинул чемодан и прыгнув в салон, завёл мотор.

Елизавета молча и угнетённо смотрела в окно.

– Не переживай. Всё будет хорошо. Тебе и твоей матери нужно время. Всё образуется, – говорил банальные, слащавые речи и сам себе удивлялся. – К сожалению, но иногда мы причиняем боль своим родным, дорогим людям.

Лиза медленно повернула голову и уныло улыбнулась.

– Мы с мамой совершенно разные люди. Совершенно непохожие. Иногда даже кажется, что мы совершенно не родные. Меня будто бы подменили в роддоме.

Озадаченно усмехнулся. Поспорить с Елизаветой было чрезвычайно сложно. Нет. Внешне мать и дочь были необычайно похожи, обе натуральные блондинки, с мягкими, нежными чертами лицами и огромными голубыми глазами, которые с первого мгновения околдовывали, очаровывали. Именно глаза Валерии меня в первую нашу встречу и привлекли. Они были настолько чистыми, невинными... Вот они меня и обманули.

– Мама – человек жёсткий, волевой, прагматичный, – девочка опечаленно выдохнула. – Я более ранимая, тонко чувствующий человек. Наверно именно по этой причине и не пошла учиться на юриста. Мне сложно защищать людей, которые, по моему мнению, аморальные и беспринципные, но при этом готовы платить огромные деньги.

Машинально приподнял брови. Хорошо, что Лиза понимает, что её мать меркантильная, беспринципная стерва. Ей сложно, больно и тяжело, но она признаёт недостатки матери.

– Нет, – громко провозгласила она, будто бы прочитав мои мысли, попыталась оправдать Валерию. – Ты не думай, что мама плохой человек. Ей в жизни пришлось тяжело. Она просто привыкла бороться за своё место под солнцем.

Снисходительно помотал головой, позволяя девушке спокойно выразить свои мысли, при этом не считал, что стержневой характер можно как-либо оправдать. Многим людям приходится проходить огромные испытания, но при этом подлецами они не становятся. Но вслух свои мысли озвучивать не стал, не желал лишний раз унижать Валерию. Мне было плевать на мать Лизы, но вот девочке делать больно как-то не хотелось. Поймал себя на мысли, что чувства Лизы меня волнуют. Б...ь. Ну и кто кого соблазняет. Нельзя терять рассудок. Категорически нельзя вновь попадаться на невинные, чистые, бл...е глазки.

Лиза хуже... намного хуже своей матери. Она не стерва, Елизавета святая.

– Она рано стала мамой, – шептала малышка. – Ей пришлось бороться за свою благополучную жизнь. Жизненные трудности её закалили. Я же с раннего детства получала всё, что хотела. Ради меня она днями и ночами трудилась. И знаешь, – звонко воскликнула Елизавета, – я ей очень благодарна. Правда благодарна, но это вовсе не означает, что собираюсь беспрекословно выполнять её указания. У меня своя жизнь и я никому не позволю в неё вмешиваться. Даже родной матери.

– Я тебя понимаю. Но согласишься, что Валерия самый настоящий домашний тиран. Она не уважает твоё мнение, считая тебя по-прежнему несмышлёным ребёнком.

Нетрудно догадаться, что с детства властная Валерия подавляла хрупкую, ранимую девочку.

Лиза ехидно усмехнулась.

– Она тиран. А ты тогда кто?

Невольно пожал плечами. Верный вопрос. Лишний раз убеждался, что с Валерий мы слишком похожи. У нас мораль своя. Если отбросить тот факт, что Лера увела мужа у моей сестры, то её поступок осуждать бы не стал. Она действовала в своих интересах. Закон не нарушала. Руководствовалась лишь своими желаниями. А нет, разнициами между нами всё-таки присутствует. Валерия коварная женщина, но законопослушная, а я и закон могу переступить и даже не поморщусь.

– Лиза, ты ко мне не справедлива, – притормозил на светофоре и игриво улыбаясь, посмотрел на девочку. – Ты же меня не знаешь. Тебе следует больше времени проводить со мной. Прости, но ты же делаешь свои несправедливые выводы руководствуясь лишь слухами и домыслами.

Девушка надменно хныкнула.

– Я с тобой мало знакома. Это правда. Но мне этого достаточно, – она полоснула пальчиками воздух. – У тебя действительно диктаторские замашки. Ты не умеешь слушать чужое мнение, – она немного поддалась вперёд, обволакивая меня приятным, незабываем женским ароматом. – Может мама и не уважает меня, стремиться подчинить, но и ты далеко не ушёл.

Чёрт! Как она может пахнуть чистотой, невинностью и одновременно пороком, дикой страстью, сексуальным желанием и развратом. Её аромат напоминает горный воздух, когда ты поднимаешься к вершинам горных склонов.

Неожиданно раздался автомобильный сигнал, молниеносно перевёл взор и увидел, что светофор отражает зелёный свет.

– Поехали, – хихикнула плутовка. – Ты меня называешь капризным ребёнком, но сам ведёшь себя как ребёнок. Как сказал, так и будет, – никак не успокаивалась Лиза, удовлетворённо отчитывая меня.

Девочка вновь прижалась к спинке кресла.

– Самоуверенность – хорошо, но не до такой же степени. Ты же действуешь как танк. Всегда идёшь на пролом. Кошмар!

Невольно усмехнулся. Меня впервые отчитывает женщина и самое странное, что я даже не пытаюсь ей возразить. Обычно даже крёстной и сестре не позволял поучать меня, тыкать носом, словно нашкодившего котёнка, а тут прямо в пай-мальчика превратился.

Выкрутил руль и автомобиль заехал на территорию элитной недвижимости.

– А ты вся такая правильная? – Провокационно задал вопрос. – Можно подумать, что у тебя нет недостатков.

Припарковал автомобиль и пристально заглянул в её смущённые глазки.

– Тебе не скучно? Никогда не хотелось стать более свободной. Единственная настоящая тюрьма – это страх, и единственная настоящая свобода – это свобода от страха.

Лукавая искорка блеснула в моих глазах, когда малышка робко прикусила нижнюю губу цвета сочной, сладкой клубники.

Наклонился максимально близко к малышке и неспешно отстегнул её ремень безопасности, как бы невзначай прикасаясь к её упругим бёдрам.

Б...ь! Близость Лизы сводила с ума. Люди так неохотно признают эротическую сторону любви, бегут от неё, стараясь делать вид, что любовь — это лишь букеты и держание за ручки. А ведь секс не унижает настоящую любовь, наоборот — становится одним из её проявлений. Вот уж сексу я уделял огромное количество времени, а заниматься банальным, травильными ухаживаниями особо никогда не занимался. П...ц! Придётся учиться. Чтобы покорить Лизу, придётся менять приоритеты.

– Пошли.

– Подожди, – Лиза робко перехватила мою руку. – Платон, я тебе действительно очень благодарна, – она потупила взор. – Но предупреждаю, что я не считаю, что чем-то тебе обязана. Я готова работать. День и ночь буду работать, но спать с тобой не буду.

– А ты со мной и не уснёшь, – шаловливо прошептал, ни на секунду, не отводя от умиленно раскрасневшейся малышки взгляда.

Девочка вздёрнула подбородок.

– Очень смешно.

– Смешно, – игриво щёлкнул малышку по-маленькому, аккуратненькому носику. – Очень смешно. Ты так настойчиво твердишь, что не хочешь быть моей любовницей, что я ненароком начинаю думать, что именно этого статуса страстно и желаешь.

Елизавета расправила плечи и, смело приблизившись ко мне, почти соприкасаясь кончиком носа с моим, томно прошипела, – как знать... как знать.

П...ц. К чёртовой матери весь этот разум и хладнокровие. Её страстная фраза растопила весь лёд, возбуждённый половой орган налился кровью, стремясь выскочить наружу. Она завела меня... Лишала власти над своим телом и разумом.

– Но только мне решать быть твоей любовницей или нет. Твои желания понятны, но о моих ты даже не догадываешься, – малышка лукаво сверкнула глазками и моментально схватившись за автомобильную ручку, выскочила из салона.

Невольно возбуждение насквозь поразило моё тело... Настолько ли наивна и невинна Елизавета. Иной раз её поведение сводит с ума!

Глава 8. Платон

Элегантный букет, состоящий из белых роз и пионов элегантно, расположился на столе. Елизавета смущённо улыбнулась и, подойдя к вазе, немного наклонилась и вдохнула полной грудью цветочный аромат.

– Это мне? Или для интерьера.

Плавной походкой приблизился к смущённой девушке и аккуратно достав белую розу, протянул её Лизе.

«Розы прививают любовь к природе, а шипы — уважение».

– Тебе. Вот видишь, я делаю над собой усилия и постепенно превращаюсь в романтического, влюблённого мужчину. – Благодаря, своим ярким цветам и сладким ароматам цветы являются одними из самых прекрасных творений природы. Художники и поэты видят в цветах символ силы и чистоты, а их увядание сравнивают с хрупкостью жизни, – лживым трепетом и с призраемым романтизмом, прохрипел я, стремясь очаровать девушку и вынудить посмотреть на меня иными глазами.

Елизавета застенчиво отвела озадаченный взгляд. Чувствовал, что она всё ещё испытывает ко мне недоверие, но с каждым моим шагом, она планомерно начинает разрушать созданный ей же барьеры. Она тянулась ко мне, но страх не позволял сделать шаг навстречу. Обязан сделать так, чтобы все её страхи развеялись, а для этого необходимо стать совершенно другим человеком. Никакой жёсткости, грубости. Одна сплошная нежность и ласка.

Большинство женщин любит цветы по поводу и без повода. Запах и вид цветов – это для женщины эротика. И неважно, что ты думаешь по этому поводу. Если она намекнула на цветы, то худшее, что может сделать мужчина – это сказать о том, что он считает это бесполезным подарком. Минус тыща тебе в карму. Когда-то сказала мне Полина. Тогда и слушать её не стал. Но теперь осознаю, что остались ещё отдельные, невинные, можно сказать, экзотические экземпляры.

Бережно схватил малышку за подбородок и немного приподнял её склонённую голову.

– Женщины как цветы, если не хочешь, чтобы они завяли — не торопись их срывать.

Малышка интенсивно задышала, затем приоткрыла свой сладкий, пленительный ротик и нервно провела кончиком языка по пухлым, соблазнительным губам.

Крепче сжал бархатную, нежную девичью кожу. Боже! Как же хотелось наброситься на её искушающую губы. Вот где тренировал силу воли. Давал себе строгую установку, обязан её соблазнить, заставить умолять о поцелуях. И я это сделаю...

– Спасибо за цветы, – девочка пылала. Смущалась, но из последних сил пыталась вести себя отстранённо. – Но не стоило беспокоиться. Я, вообще, не люблю цветы.

Лукавые слова девочки не впечатлили меня.

– Не верю девушкам, которые говорят, что равнодушны к цветам. Просто они не получали их от любимых мужчин, – мои губы слегка мазнули её сладкие уста.

Елизавета интуитивно, ожидая долгожданного и желанного поцелуя, прикрыла глаза. – «Как женщины похожи на цветы! Меня порою это удивляет. Они не могут жить без красоты. А красота нас в жизни вдохновляет. Они так грациозны и нежны, что от проблем головки опускают. Слова любви для них всегда важны. От комплиментов жёны расцветают. Они цветут так пышно, как цветы, и также постепенно увядают...», – с придыханием зачитал стихи прямо в жаждущие, полураспахнутые девичьи губки и мгновенно отстранившись, непринуждённым шагом направился на выход, затылком ощущая обиженный, женский взгляд.

– Платон! – Воскликнула она.

Лениво остановился и, повернувшись к разочарованной девочке, которая так и не получила долгожданный поцелуй. Малышка ощущала себя обманутой. То-то же... Больше не соби-

раюсь вести себя как обезумевший зверь, а Елизавету выставять в качестве жертвы. Поцелуй мои ей ненавистны. Как же...

Девочка приподняла розу и кокетливо помахала ей в воздухе.

– Когда тебе дарят цветы на праздник, ты чувствуешь себя женщиной. Когда без повода — любимой женщиной.

Удивлённо распахнул глаза. Лиза - самая настоящая провокаторша. Малышка далеко не ангел и она лихо мне это продемонстрировала в машине. А теперь лишний раз подтверждает, что с ней надо быть максимально аккуратным. Вульгарные, пошлые женщины с надутыми губами и раздутым самомнением даже близко не могут сравниться с лукавой невинностью малышки.

Невинность — идеал тех, кто любит лишать невинности. Всегда предпочитал опытных женщин, которые не отягощали себя моральными, нравственными устоями, но глядя на Лизу, понимал, что теперь мне безумно захотелось вкусить запретный, нетронутый плод.

– Ты меня пытаешься очаровать? – Иронично провозгласила она, пронизывая до самых печёнок огненным, пленительным пожаром голубых глаз.

– Да. Я хочу тебя очаровать, – медленно сделал шаг вперёд, вновь сокращая между нами расстояние.

Не следовало к ней приближаться. Необходимо держаться подальше, но она притягивала меня. Манила как дикого, дворового, голодного кота, который заприметил маленькую птичку и совершенно потеряв бдительность, преследовал её.

Лиза звонко фыркнула и, отскочив от меня, приглушённо прошипела, – можешь не стараться. Она бережно положила розу на стол. – У меня есть молодой человек и я его очень люблю. Поэтому извини, но между нами ничего не может быть.

Первобытные инстинкты с каждым её не обдуманном словом пробуждались во мне, изрядно усиливаясь цепкой, колющей ревностью. Сучка малолетняя! Поиграть решила... Отлично. Вызов принят, детка.

– И что?

– Ты обещал, что не будешь ко мне приставать.

Решительно кивнул.

– Совершенно верно. И в чём проблема? Что-то я не помню, чтобы каким-то образом нарушил обещание.

Лиза покривила своё высокомерное личико и надменным взором обвела несчастный, безвинный букет.

– А это что? – Она яростно указала пальцем на букет. – Как, по-твоему, это называется? Посмотрел на цветы, а потом мгновенно перевёл взгляд на бунтарку.

– Банальный знак внимания. Я обещал, что не буду тебя ни к чему принуждать. И заметь, – высоко поднял голову, – слово своё держу. Но если тебе неприятно даже цветы от меня принимать, – грозно взмахнул рукой, не позволяя ей даже звук издать, – без проблем. Больше не позволю себе даже комплемент тебе сделать. Окей!

Нарушил кокетливую игру девочки.

– Извини, – она суетливо поправила волосы. – Ты прав. Но в любом случае между нами ничего быть не может.

– Да...да...да, – гневно протараторил. – Помню...помню, ты любишь своего парня.

Она безвольно помотала головой.

Свирепая волна негодования разрывала изнутри. Лицемерка. Парня она любит, а при этом, как только, я оказываюсь возле неё, моментально превращается в покорную, робкую, влюблённую девочку.

Равнодушно обвёл взглядом панорамное помещение ресторана.

– Люблю начинать свой день с сытного завтрака и чашки бодрящего кофе, наблюдая за медленно просыпающимся городом, – провозгласил Ворошилов и, приподняв бокал, немного пригубил изысканного вина.

Высокомерно приподнял голову и перевёл взор на Дмитрия.

Понимал, что Валерия попытается вернуть дочь домой, но даже представить не мог, что она совершит глупость и обратиться за помощью к своему любовнику.

Думал, что Лера куда более дальновидная и умная женщина, но, как оказалось, ошибся. Большой глупости, как обратиться к своему любовнику и придумать было нельзя.

– А вечером наслаждаешься кухней и напитками, в лучах закатного солнца со своей стервой-любовницей, – злобно прорычал я.

Ворошилов удручённо вздохнул и, поставив бокал на стол, немного поддался вперёд и, пронзительно сузив глаза, возмущённо фыркнул, – Платон, не стоит оскорблять женщину. Можешь что угодно говорить про меня, но Валерию оскорблять не позволю. Оставь своё мнение при себе.

Презрительно усмехнулся, откровенно насмехаясь над фальшивыми джентльменскими замашками Ворошилова. Того, глядишь и на дуэль меня вызовет. Хотя! Этот чёртов интеллеktуал вряд ли осмелится даже прикрикнуть на меня. Уж больно он у нас мягкотелый, хрупкий и ранимый... Где были глаза у Светки, когда она замуж за него пошла. Да нам Валерию благодарить стоит, что избавила от этого непутёвого.

– Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и человеческая глупость. Впрочем, насчёт вселенной я не уверен, – холодно проговорил я. – Тебе используют, а ты и рад стараться. Но это твоё дело. Говори. Зачем позвал. Что тебе от меня нужно?

– Можно подумать, что ты сам не знаешь, что мне нужно, – недовольно буркнул Ворошилов и, расположив на коленях белоснежное полотенце, пододвинул к себе тарелку с горячим блюдом.

– Знаю. Но хочу, чтобы ты озвучил, – с откровенной издёвкой ответил я.

Дмитрий обессиленно опустил глаза.

– Платон, послушай, я знаю, что ты не будешь пользоваться ситуацией, – он несмело приподнял глаза и зафиксировал цепкий, оценивающий взгляд на моём лице, – но согласишься, твой поступок, мягко говоря, вызывает недоверие. Не понимаю, чего ты так прицепился к Елизавете? Зачем она тебе?

Вальяжно откинулся назад и, закинув одну ногу на другую, беспечно взял в руку столовый нож и не звонко постучал по поверхности стола.

– А ты не охренел, Дима? Я теперь перед тобой отчитываться должен? Лиза – совершеннoлетняя девушка. Она не нуждается в защите.

Ворошилов гневно свёл брови, желая заявить протест.

– Платон, я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь, но ты же понимаешь, что Лиза для меня посторонний человек. Она хорошая, добрая девочка. Я не хочу, – он отчаянно замотал головой, – чтобы по твоей вине Лиза страдала.

Идиот! Хищно расплылся в широкой улыбке, беспечно сведя руки на груди. Елизавета давно уже не маленькая девочка, она взрослая, молодая, привлекательная девушка. И она уж точно не нуждается в защите. Лиза вполне способна постоять за себя.

– Зачем она тебе? Чего добиваешься?

Пару секунд безмолвно смотрел на озадаченного, заметно погрузневшего мужчину, который вызывал лишь жалость и сострадание.

– А ты не допускаешь возможность, что мне Лиза понравилась? – Сжалился над женщиной, более не стал над ним издеваться.

Дмитрий застыл.

– Не допускаю, – еле-еле шевеля губами, промолвил он. – Ты никогда не увлекался маленькими, незащищенными девочками.

– И что? Вкусы меняются. Я видишь ли, старею. С годами начинаю задумываться о семье и детях.

Мужчина обескураженно вытянул лицо, явно не ожидая подобного ответа.

– И ещё, Дима, – поддался вперёд, прожигая взглядом своего бывшего родственника, – Лиза – не маленькая девочка. Она молодая, привлекательная женщина.

Говорил с наслаждением. А главное, верил своим словам.

– Ты пожалеешь. Но будет уже поздно. Зло всегда возвращается. Это бумеранг, который обязательно вернётся, может, не сразу, но вернётся.

П...ц! Полный п...ц! Ворошилов реально решил пристыдить меня... Как говорится: «А судьи кто?».

– А я так понимаю, ты своего бумеранга ожидаешь?

Ворошилов виновато опустил глаза.

– Ожидая, – он взял столовые приборы. – А может, уже дождался.

Интригующий ответ.

– Не понял.

– Не обращай внимания, – Ворошилов махнул рукой. – Ладно. Платон, давай поговорим, как деловые люди. Ты же привык вести разговор с точки зрения выгоды. Правильно?

Задумчиво провёл рукой по подбородку.

– Ты мне сделку хочешь предложить?

Мужчина уныло помотал головой.

– Какую сделку? Ты что мне можешь предложить? – Нервный смешок сорвался с моих губ.

Заинтриговано всматривался во встревоженное лицо Ворошилова.

Лёгкая, ненавязчивая мелодия раздавалась в помещение ресторана, надменно усмехнулся, терпеливо позволяя Дмитрию собраться с духом.

– Я готов отказаться от аукциона.

– Что? – Поддался вперёд.

Казалось, что у меня случилась слуховая галлюцинация. Реально этот горделивый человек, который всю жизнь стремился доказать, что хоть что-то представляет из себя без денег моей семьи, решил признать поражение... И ради кого? Совершенно посторонней девочки. Понятно, что Елизавета – дочь Валерии, но до конца не верил, что эта меркантильная дрянь так крепко запала ему в душу. Считал, что он со временем наиграется. Устанет от неё. В конце концов, она обязательно проявит свой истинный характер и покажет волчий оскал. Но век живи, век учись. Молодец, Лерка, хорошо обработала этого дурачка. Реально зацепила его, раз он даже готов от аукциона отказаться.

Брезгливо поморщился, негодуя... Поражаясь, как можно ставить какую-то бабу, выше деловых интересов.

– Повтори, – позволил мужчине дать заднюю, хотел, чтобы он отказался от аукциона и не участвовал в строительстве административного здания, но не желал выставлять его чёртовым благородным принцем, который спас невинную девочку от дракона.

– Тебе доставляет удовольствие унижать меня, – прорычал Ворошилов и, судорожно схватив бокал, сделал пару больших глотков, сейчас он напоминал жаждущего путника, который, наконец-то, добрался до долгожданного источника. – Я отказываюсь от аукциона. Обещаю тебе, что участвовать в торгах не буду, – он подставил бокал на стол. – Взамен ты должен отказаться от Елизаветы. Забудь о девочке. Она не будет очередной женщиной, который ты разбил сердце, – мужчина отчаянно замахал головой. – Не позволю, чтобы ты из-за своей похоти сломал ей жизнь. Найди себе другую игрушку, благо с бабами у тебя никогда не было проблем.

Ухмыльнулся и, лениво приподняв бокал, непринуждённо отсалютовал и, не сводя глаз с Ворошилова, в которых горел азарт победы и триумфа, слегка пригубил вина.

– Благородство исключает месть, – нарочито протрубил Дмитрий, уверенно участвуя в дуэли взглядов. – Глупо мстить несмышлёному ребёнку, душевнобольному человеку, животному и... пустому месту. Ты не можешь простить человека, пока своей ненавистью ставишь его на пьедестал. Чем больше ты его ненавидишь, тем значительнее становится для тебя его фигура, тем выше он над тобой. Перестаньте раздувать его значимость для себя, а затем стряхните его фигуру с пьедестала, как пыль.

Равнодушно покачал головой.

– И кем ты считаешь Валерию? Несмышлёным ребёнком? Душе больным человеком? – Презрительно усмехнулся и с откровенной яростью поставил бокал. – Или животным?

Ворошилов звонко чертыхнулся и моментально отвёл от меня взгляд.

– Разве объектом твоей ненависти является Валерия? Я думал, что у тебя проблемы со мной? – Дмитрий плавно перевёл взор на меня. – Говорил о себе. Я должен стать той самой пылью, которую ты скинешь с плеч. Но ты маниакально ненавидишь Валерию. Или..., – он многозначительно замолчал, неторопливо полностью развернувшись ко мне, сканируя озадаченным взглядом.

– Дима, остынь. У меня нет никаких претензий к Валерии. Она вызывает у меня лишь чувство брезгливости. Гадина ползучая, которую можно раздавить ногой. Только вот зачем? Пусть ползает и меня не трогает.

– Тогда зачем тебе Лиза?

– А тебе зачем Валерия?

Ворошилов злобно покривился.

– Ерунду не говори. Сравнил себя и меня. Я Валерию люблю, ты же лишь играешь с Лизой. Не более того, – он гневно махнул подбородком. – Так что ты скажешь по поводу моего предложения? Готов согласиться.

Предложение, бесспорно, заманчивое... Но Елизавета манила куда больше. Да и зачем соглашаться. Упустил свой шанс Ворошилов. Я не из тех людей кто будет повторять дважды. Всё, механизм запущен.

– Нет.

Дмитрий ошарашенно приподнял брови.

– В смысле, нет, – возмущённо протрубил он. – Я делаю тебе выгодное предложение. Ты же знаешь, что моя фирма имеет все шансы выиграть аукцион. У тебя из-под носа уплывёт очень выгодная сделка. Почему отказываешься?

На губах отразился звериный оскал. Ворошилов даже не представлял, насколько забавным и неуместным выглядит его предложение. Поздно... Он попал в свою же ловушку. Добровольно выкопал яму, сам же в неё очень скоро и упадёт. И выбраться из неё он уже не сможет. Вот тогда и посмотрим, как его «милая» Валерия проявит все свои лучшие женские качества. Даю пару месяцев, и она обязательно повернётся к нему своей аппетитной филейной частью.

– Дорожу Елизаветой, – издевательски процедил сквозь зубы. – Она мне так дорога, что готов рискнуть. Представляешь?

Нет, девочка меня интересовала и даже интриговала, она превосходно возбуждала и точно знал, что малышка, сможет удовлетворит все мои экстравагантные, откровенные, эротические фантазии, но осознавал, что Лиза-одна из многих... Простой этап в моей похотливой, развратной жизни. У нас с ней некий симбиоз. Она мне молодое, юное тело, я ей помощь в карьере.

Ворошилов удручённо опустил глаза.

– Платон, ты совершаешь ошибку. Лиза не похожа на твоих баб. Она добрая и чистая девочка. Тебе Елизавета не по зубам. Одним словом, – Ворошилов приподнял глаза на меня, в которых отразилось таинственное сожаление и непонятая грусть, – зубы обломаешь.

Не стоит... вот не стоит дразнить зверя...

– Проблема в том, Дима, что Лиза далеко не девочка. Она молодая, красивая девушка. И как все девушки, имеет свои слабости, – с превосходством провозгласил. – Ты прав. Она не похожа на моих женщин. Так это даже интереснее, – игриво и мелодично пробежался пальцами по поверхности. – Женщины, которые обладают собственным достоинством и сразу не прыгают в кровать, пробуждают азарт. Попробуй. Тебе понравится.

Ворошилов разъярённо сузил глаза.

– Мне тебя жаль. Ты постепенно превращаешься в своего отца, который не умел уважать людей. Он относился к людям, как к животным. Одумайся, Платон.

Ярость моментально охватила моё сердце. Этот ублюдок не имел никакого права упоминать имя моего отца.

– Заткнись, – озлобленно прорычал. – Не смей даже упоминать имя моего отца. Он не был святым, но у него были понятия о мужской чести. А вот ты даже близко не знаешь, что это такое.

Ворошилов уныло улыбнулся.

– Ты прав. У Аркадия Германовича были понятия о чести и совести, но, – он смело склонился над столом, – но они искажённые. Его принципы не имели ничего общего с общепринятыми принципами.

Едва сдерживался, чтобы не схватить подонка за его тёмно-ядовитый, зелёный галстук и как следует дёрнуть за него, чтобы встряхнуть его тупую башку и привести мысли в порядок. Нельзя поддаваться гневу, но мягкость более проявлять не собирался.

– Слушай сюда и запоминай. Ты ходишь по земле, только благодаря моей сестре. Но всему приходит конец. В том числе и моему терпению. Поэтому одумайся ты и перестань маячить на моём пути.

– Угрожаешь?

– Нет, – медленно и протяжно проговорил каждую букву. – Предупреждаю. Жизнь – опасная штука. Ходи и оборачивайся. А то, не дай бог, кирпич, случайно на башку ёб...ся и череп тебе проломит. Убить не убьёт, но в результате несчастного случая в овощ превратиться можешь.

Глава 9. Лиза

Оказывается, я люблю листья.

Опавшие листья.

Мне нравится наблюдать за происходящим с ними метаморфозами. Вот они всё ещё прекрасны, почти не отличаются от тех себя, какими покинули давнее им жизнь дерево... Затем понемногу они начинают увядать — сохнут, краешки закручиваются, появляются бурые пятна...

Дождь, позволявший им поначалу оставаться свежими, доводит дело разложения до апогея. Плотный, пленительно шуршащий, разлетающийся под ногами ковёр превращается в прелую, подгнивающую, бесформенную массу.

Жизнь продолжается, но уже не в ней, а на ней.

Сочетание зелёной травы и до сих пор невероятно красивых листьев, одетых в невесомую, серебристо мерцающую паутинку инея... Какое-то наваждение... Это видение берedit мне душу, острой болью красоты входя в сердце, смешно щекоча в носу... Ускользящее, вроде бы мёртвое, а слишком живое...

— Дорогая, спасибо тебе, что согласилась составить мне компанию, — с искренней благодарностью проговорила Зинаида Ивановна, крепче сжимая мою руку. — Сама выбрала затворнический образ жизни. Но с годами стала замечать, что мне не хватает обычного человеческого тепла. Хотя суeta города напрягает.

Безмолвно улыбнулась.

— Не стоит меня благодарить. Мне очень приятно проводить с вами время. Замечу, — звонко хихикнула. — Рабочее время. Солдат спит, служба идёт. Дай бог, чтобы все клиенты были такими, как вы.

Добрая старушка улыбнулась и, убрав от меня руку, прокричала, — Феличита. Феличита. Мальчик мой. Иди сюда.

Удивительная маленькая собачка породы вельш-корги, задорно припрыгивая, побежал к своей хозяйке.

Весело рассмеялась, искренне удивляясь очень высокой активности маленькой собачки.

Малыш любил побегать, порезвиться, подурачиться, несмотря на свою, казалось бы, не совсем располагающую к подобному времяпрепровождению внешность. Не помеха ему в этом занятии ни скромный размер, ни коротенькие ножки.

— Красавчик, — опустилась на колени и аккуратно потеревила улыбчивую, полную задора и оптимизма мордашку. — Вы так необычно его называли?

— Этот малыш — моё счастье. Спасает от одиночества.

Выпрямилась.

— Нам с Феличитой до полного счастья не хватает детей, — провокационно провозгласила женщина, лукаво кривя уголки губ. — Корги очень любят детей. Они стоически терпят все проявления детского восторга и насыщенные игры. Как бы активно их ни тормошили-целовали-тискали, животное никогда не проявит даже малейшего намёка на агрессию по отношению к ребёнку.

— Понятно, — незатейливо сорвала с дерева пожелтевший листочек. — Что-то прохладно становится. Может, домой пойдём.

Глубоко вдохнула прохладный, осенний воздух. Нет. Эта пожилая дама обладает превосходными подстрекательскими способностями. Надо же так незатейливо сделать некорректный намёк...

Подстрекатели как спички... порой их короткое воздействие может причинить столько необратимых последствий!

– Дочка, извини, что смутила тебя.

Машинально замотала головой.

– Нет. Что вы?

Женщина приглушённо ухмыльнулась.

– Зинаида Ивановна, спасибо вам, за ваше доброе отношение ко мне, – решила, что нужно хоть как-то заполнить затянувшуюся паузу.

Старушка озадаченно округлила глаза.

– О чём ты говоришь? Лизонька, ты прекрасная девушка. Моё отношение к твоей матери не изменилось, но ты не можешь нести ответственность за её грехи. Ты совершенно на неё непохожа. Такая добрая, отзывчивая, – ласково простонала она, убирая кусочки листвы с моей головы. – В тебе совершенно нет фальши. Ты не умеешь проторяться.

– Спасибо. Вот бы и ваша племянница придерживалась такой же точки зрения.

Сожаление отразилось на моём лице.

Ясно, что родителей не выбирают, но чувство вины не покидало меня. Нельзя сказать, что мне было стыдно, но определённую неловкость перед Зинаидой Ивановной испытывала.

– Вика, – женщина нахмурилась, – девочка избалованная. Иной раз мне кажется, что она унаследовала все возможные плохие черты своего деда.

Заинтересованно заглянула в потухшие женские глаза.

– Да. Да, дорогая. Мой брат не был хорошим человеком. Наша с ним молодость выпала на лихие девяностые года. А в то время за своё место под солнцем надо было бороться, – она подняла руки и, сжав пальцы в кулаки, яростно затрясла ими. – Аркадий добился больших успехов, только вот ни на приличном поприще, а в области криминала. Он не был жестоким, но жёсткость присутствовала в нём. Хотя со своими врагами он был беспощаден и жесток.

Кивнула, внимательно слушая женщину, понимая, что ни только Виктория унаследовала определённые черты характера от брата Зинаиды Ивановны, но и Платон.

– Аркадий был несгибаемым. Твёрдым. Суровым. Резким, но при этом он безгранично любил жену и детей.

Зинаида Ивановна повернулась ко мне и, накрыв своей ладонью мою руку, проникновенно прошептала, – Лиза, я очень боюсь, что Платон оступится и пойдёт по пути отца. Я знаю, что он одержим идеей отомстить за смерть Аркадия.

Озадаченно захлопала ресницами.

– Что значит одержим идеей отомстить? Как отомстить? Кому?

– То и значит, – она тяжело вздохнула и, моментально сведя руки на груди, слегка поёжилась.

Неожиданно почувствовала, что возле моих ног вертеться, кто – то очень мягкий и невероятно шерстяной.

– Ты чего, малыш? Тебе скучно?

Проказник выплюнул игрушку и радостно замахал хвостиком, призывая обратить на него внимания и поиграть.

– Радость моя, забыли о тебе, – Зинаида Ивановна быстро подняла слюнявый резиновый шарик и бросила его.

Феличита молниеносно сорвался с места и, сломя голову, понёсся за ним.

Прекрасное, доброжелательное существо дарило столько счастья.

– У него на спинке такое характерное пятно. Оно у всех пород присутствует? – Любопытство бушевало, но посчитала, что нужно переходить на более отвлечённую тему.

Кто я такая, чтобы Зинаида Ивановна раскрывала передо мной душу и делилась семейными тайнами. Если пожелает, выслушаю, но настаивать не буду.

– У всех! – Восторженно провозгласила женщина. – Характерное пятно на спине корги стало поводом для мистического объяснения появления этих собак. Согласно легенде, эти

животные использовались как ездовые в мире эльфов, якобы отсюда у них на спинах и образовались участки в виде седла. На самом же деле предки собак представленной породы были впервые привезены кельтами в Уэльс, который с тех пор и считается родиной корги.

– Королевская собака.

Зинаида Ивановна со счастливой улыбкой замахала головой.

– Да. У меня совпадают вкусы с королевской четой.

Она суетливо поправила пальто на груди.

– Лиза, я не ответила на твой вопрос.

Машинально кивнула.

– Зинаида Ивановна, я понимаю, что вам тяжело говорить о своём брате и Платоне. Может, оставим этот разговор.

– Нет, Лиза. Я хочу, чтобы ты знала. Так тебе будет проще понять Платона.

Закрыла рот, больше не стала возражать.

– Аркадий занимался криминальным бизнесом. Со временем он его легализовал, но из воровского мира так и не вышел. Его убили, но правоохранительная система неповоротливая. Задержали лишь киллера, а вот заказчик до сих пор на свободе.

Душа заледенела. Никогда не интересовалась и всячески избегала криминальных тем. Кровь. Боль. Оружие. Всё это было чуждо мне.

– Боюсь, что Платон желает отомстить за смерть отца. Самая благородная и сладкая месть – это прощение, – пролепетала женщина. – Но Платон никогда не сможет простить убийцу своего отца. Он не успокоится, тем самым погубит себя.

Мсти, не мсти — мёртвых не вернуть.

И радости это не принесёт. Месть за себя или за кого-то — не более чем красивые слова и убаживание своего эго.

Просто жестокая забава.

Зинаида Ивановна с какой-то невысказанной мольбой заглянула в мои глаза.

– Даже дикое животное становится ручным и покладистым, когда к нему проявляют любовь и заботу.

Отличное сравнение Морозова с диким животным.

– Лиза, рядом с Платом нет женщины, которая смогла бы залечить его глубокие, изнывающие раны. Вытравить чёртову месть из души. Он должен осознать, что создан для любви, нельзя жить мстью.

Ошарашенно вытаращила глаза. Вот это поворот...

– Я! Зинаида Ивановна, вы уж меня простите, но давайте не будем возлагать на меня столь важную и неподъёмную миссию. Ваш крестник меня слушать не будет. Моё мнение его совершенно не волнует.

– Глупая девочка, – обозвала меня Зинаида Ивановна, но при этом её тон звучал так мягко и по-доброму, что злиться было невозможно. – Волнует. Ещё как волнует, – утвердительно провозгласила она.

Угнетено, с искренним негодованием, подняла глаза к серому, мрачному небу.

– Дорогая, – женщина опустила ладони на мои плечи, заставляя оторвать взгляд от неба, и посмотреть на неё, – послушай опытную старушку, которая неплохо знает своего крестника. Она крепче сжала пальцы. – Возможно, Платон ещё сам до конца не осознаёт, как ты важна для него. Я видела, как он сморит на тебя. Старая сводница хитро хохотнула. – Ты бы видела, как Платон нервно отреагировал, когда ты заявила ему, что у тебя есть парень. Он ревнует.

Лихорадочная волна противоречивых чувств накрыла меня. Считала, что между мной и Платон ничего быть не может. Но так разум подсказывал, а горячее сердце трепетало.

– Мужчина - это ресурс, а женщина энергия, чтобы черпать этот ресурс. Как двигатель у машины и бензин. Больше ничего не требуется, просто залей в него эту энергию, запусти движок, и он достанет тебе даже луну с неба.

Уныло опустила глаза. Морозов действительно машина. Железная. Стальная. Бесчувственная.

В глазах потемнело.

– Милая, что с тобой?

Женщина лихорадочно провела пальцами по моему раскрасневшемуся лицу.

– Ну-ка подожди, – она прижалась губами ко лбу. – Девочка моя, да у тебя температура. Так, немедленно пошли домой. Буду тебя лечить.

Отрицательно замотала головой.

– Нет. Спасибо. Мне на работу нужно.

– И слышать не хочу. Позвоню Платону и предупрежу, что сегодня ты на работе не появишься.

Хотела возразить, но упрямая старушка грозно скомандовала, – марш домой. И не смей мне противоречить. За здоровьем следить надо. Тебе ещё детей рожать.

– Зинаида Ивановна, – промолвила я, нежно сжимая её руку, – спасибо вам. Но боюсь, что ваш крестник не из тех мужчин, на которых может повлиять женщина. Он слишком упрямый.

Боже! Себя считала наивной, но пожилая дама переплюнула меня. Внутри словно образовалась раскалённая пружина, она не позволяла сделать вдох, сдавливала все органы. Наверно Зинаида Ивановна права, лучше поехать домой и отдохнуть. Усталость одолевала меня.

– Девочка моя, – женщина ласково провела пальцами по моей щеке, – знаю, что ты считаешь моего крестника циничным мужчиной, но ты глубоко ошибаешься. Его жизнь не была такой радужной. После смерти отца Платону пришлось встать во главе бизнеса. А бизнес не терпит слабаков.

Неосознанно прикусила губу, чтобы с болтливых губ случайно не сорвались утвердительные слова. Ещё какой циник. Самолюбивый, горделивый, похотливый, вульгарный и чертовски соблазнительный варвар. Пещерный человек, который, к моему сожалению, вызывал у меня чувства, пробуждал низменные желания. Стыдилась своих чувств, сопротивлялась, но понимала, что противостоять ему невыносимо.

Страсть – непреодолимое влечение, которое невозможно забыть, даже когда всё прошло, дорога такая притягательная, что может привести нас в объятия неожиданного любовника, чувство такое сокрушительное, что разрушает стены, которые мы строим, чтобы защитить своё сердце, желание такое сильное, что остаётся на поверхности, несмотря на то, что мы пытаемся похоронить его. Да, из всех чувств только страсть даёт нам основание, чтобы жить, и оправдание, чтобы совершать любые преступления против своей души и сердца.

Старушка мрачно улыбнулась.

– Ты даже представить не можешь, что происходило после смерти Аркадия. Гибель отца – это страшный удар для Платона, но, – женщина угрюмо опустила брови, на её лице отразилась боль, – он никому не показывал, что страдает. Крестник понимал, что он единственная опора для семьи.

Страдал? Нет. Конечно, смерть близкого человека, кого хочешь, подкосит, но поверить в то, что этот хладнокровный, бездушный человек может искреннее страдать было невероятно сложно.

– А как же Ворошилов? Разве Дмитрий Львович не помогал?

Зинаида Ивановна покривилась.

– Дима безвольный человек. Он сам по себе ничего не представляет. Поэтому все заботы упали на плечи Платона. Бизнес находился на грани краха. И только благодаря стальному характеру крестника мы смогли сохранить, а потом и приумножить наш капитал.

Власть и деньги....Серьёзно?

Обречённо подняла глаза и пристально посмотрела в глубокое, такое далёкое и одновременно близкое небо. Осеннее солнце робко дарило тепло, создавая неповторимую атмосферу, пронизывает сердца столь необходимой радостью. Ощущение умиротворения и спокойствия, которое оно приносит, нагоняет мысли о будущем, воспоминания о прожитом и надежды на то, что впереди ждёт светлое и радостное время. Осеннее солнце становится своеобразным символом перемен, распрощаться с прошлым и готовиться к новому. Только какое будущее меня ожидает? Предчувствие чего-то неизбежно плохого не покидало меня.

– Лиза, ты меня слышишь? – Женщина аккуратно потормошила меня за плечо, вынуждая опустить голову и посмотреть на Зинаиду Ивановну.

– Жестокость порождает ещё больше жестокости, а насилие ещё больше насилия. В конце концов, этот порочный круг отравляет всех.

Старушка вспыхнула, её глаза незамедлительно наполнились осуждением, но к её чести, она сдержалась и довольно спокойно прошептала, – ты не понимаешь, о чём говоришь? Жизнь не делится на белое и чёрное. Не бывает идеальных людей. Понимаешь? Не бывает, – решительно и безапелляционно повторила она. – Побеждает тот, кто среди грязи, ужаса, жестокости, сохраняет в себе свет, не пересекает ту невидимую грань, за которой человек превращается в зверя.

Правильно подметила прозорливая старушка, с одной важной поправкой, что её крестник, по всей видимости, перешёл черту и превратился в зверя.

– Зинаида Ивановна, позвольте задать вам вопрос?

– Конечно. Задавай.

Смущённо пожала плечами, ощущая внутреннюю дрожь. Так до конца не понимала, чем вызваны морозные мурашки, повышением температуры или волнующими меня вопросами.

– Ваш племянник связан с криминалом?

То, что отец Платона, являлся криминальным авторитетом, вопросов не вызвало, но пошёл ли по его пути сын.

– Дорогая, это слишком сложный вопрос. Однозначного ответа у меня для тебя нет.

– Хорошо, – не стала более пытаться Зинаиду Ивановну. – Лучше поеду домой. Действительно, что-то я себя не очень хорошо чувствую.

– Стёпа, но зачем ты пришёл, – шире распахивая дверь, приглашала друга в квартиру, который, как только услышал мой хриплый голос по телефону, незамедлительно вызвался спасать моё здоровье.

Парень торопливо зашёл в гостиную и держа пакет с лекарствами на весу, слегка приоткрыл рот.

– Ни хрена себе! – Восторженно воскликнул он и, не отрывая взора от интерьера квартиры, протянул пакет. – Нехилая квартирка. Реально классно.

Он торопливо скинул обувь, продолжая оценивающим взглядом изучать помещение.

– Пошли. Доктор Айболит. – Усмехнулась и, аккуратно щёлкнув пальцами по его подбородку, весело добавила, – и рот закрой. А то муха залетит.

Друг последовал за мной.

– Какие мухи? У тебя здесь такая охрана, что никакая муха не пролетит.

Выдвинула стул и поставила его перед другом.

– Присаживайся. Хочешь чаю или кофе?

– Нет. Не беспокойся. Прекрати суетиться. Садись.

Положила пакет с лекарствами на стол и присела напротив друга.

– Лиза, прямо скажу, что выглядишь ты не очень.

– Конечно, – даже оправдываться не стала. – У меня температура. Не забыл?

Стёпка кивнул, в знак согласия.

– Это понятно. Но я немного о другом говорю.

Понятно к чему клонит мой верный друг, который постоянно лоббирует интересы матери.

– Валерия Владимировна очень переживает, – опечаленно проговорил он. – Лиза, не будь такой жестокой.

Гневно цокнула языком. Стёпка несправедливо обвиняет меня в жестокости, при этом слепо доверяет моей матери, которая с лёгкостью манипулирует им.

– Не поднимай эту тему, – моментально перешла на более грубый тон, предупреждая друга, что он вступает на слишком опасную территорию и может стать невольным субъектом моей злости. – Мама далеко не ангел.

Стёпа немного наклонился вперёд, пронзительно глядя в мои глаза.

– Что ты делаешь, Лизка? Ты же умная девчонка, а ведёшь себя как малолетняя дурочка. Твоя мать — не ангел, а этот Морозов - прям ангел во плоти. Только вот что-то крыльев за спиной не видно.

Остро подмечено. У Морозова действительно не присутствует ни крыльев, ни нимба, а вот рога присутствуют. Обречённо усмехнулась, нервно ударяя пальцами друг о друга.

– Не перегибай палку. Морозов не ангел, но он же не дьявол. Самый обычный мужик. Пришёл мне на помощь.

Степан лихорадочно заводил глазами, моё заявление вызвало у неё полное недоумение, откровенное негодование.

– Пришёл на помощь? – С явной издёвкой в голосе переспросил друг. – Сначала создал проблемы, а потом пришёл.

Вздыхнула.

– О чём ты говоришь? – Встала, более не смогла выдерживать его насмешливого взгляда. – В чём виноват Морозов?

Не собиралась защищать Платона, да и он не нуждался в моей защите, но ядовитые обвинения Степана были несправедливыми.

– Хорошо. Напрямую он не виноват, но его несносная племянница тебе жизнь отравила и продолжит отравлять. Хрень редки не слаще, – Стёпа поднялся со стула и максимально близко подошёл ко мне, вынуждая сделать шаг назад.

Друг заметил мой отчаянный шаг назад и ехидно усмехнулся, но говорить ничего не стал.

– Виктория больше ко мне не приблизится. Морозов обещал, что поговорит с ней.

– И ты ему веришь?

– Да. Верю.

Степан грустно улыбнулся.

– Когда?

– Что когда? – Озадаченно спросила.

Друг немного наклонил голову, пронзительно всматриваясь в мои глаза, он словно прожигал меня взглядом, пытаясь проникнуть в голову.

– Когда этот человек стал тебе настолько близким?

Холодная дрожь пробежалась по телу. Вроде простой вопрос и одновременно такой сложный.

– Он вовсе не мой близкий человек. Просто Морозов оказался в нужном месте в нужное время.

Пыталась говорить без особых эмоций, но в то же время голос слегка подрагивал. Прозносила фразы, и сама себе не верила.

– Извини, Лизка, но ты себя слышишь? – Друг рьяно постучал по своим ушам. – Ты совершаешь огромную ошибку и при этом из последних сил утверждаешь, что ничего страш-

ного не происходит. Квартиру он тебе предоставил классную. Но что потребует взамен? Лиза, я лишь добра тебе желаю, точно так же, как и Валерия Владимировна. Но ты упрямо отказываешься от нашей помощи и, сломя голову, бежишь к этому подонку.

– На этой планете богатый ассортимент подонков, – буркнула я. – И что теперь из дома не выходить?

Степан злобно оскалился.

– Кошмар! Лиза, ты всё с ног на голову переворачиваешь. Знаешь, что Морозов – подлец, но при этом согласилась жить у него.

Гневно прищурилась.

– Во-первых я не у него живу, – взмахнула пальцем перед его любопытным носом, который лезет не в своё дело. – Он мне лишь предоставляет служебную квартиру. А во-вторых, это не твоё дело. Я взрослый человек и вправе самостоятельно распоряжаться своей жизнью.

Степан, осознав, что наш спор переходит в конфликт, миротворчески поднял руки.

– Не кипятитесь. Не хватало ещё поругаться из-за этого урода.

– Хорошо. Не будем ругаться, только если ты перестанешь давить на меня. Стёпа, я приняла решение. И будь так добр, уважать его.

Глава 10. Валерия

– Спасибо вам, Валерия Владимировна, – прошептал Илья Николаевич и, переведя глаза на бывшую супругу, которая состроила недовольную физиономию лица и, как только судья покинул зал судебных заседаний, стремительно вылетела из помещения.

Красивая. Относительно умная девочка, но слишком наглая, самоуверенная... Ей не хватило жизненной мудрости, чтобы правильно воспользоваться природными данными, которыми щедро наделили девушку высшие силы.

Решила, что готова пойти в свободное плавание, уверовала в свою уникальность.

Снисходительно выдохнула. Бедная девочка из-за своей дурости осталась буквально без штанов. И на что только она надеялась?

Неосознанно сравнила молодую супругу своего клиента и Елизавету... Нет. Нет. Лиза полная её противоположность. Она никогда не будет встречаться с взрослым мужчиной ради денег.

Моя девочка лишена любых прагматичных, меркантильных интересов... Она слишком добрая, честная, наивная. Романтическая дурочка, которая искреннее верит в любовь.

Взяла чемодан и, поправив пиджак, одарила мужчину официально-деловой улыбкой.

– Поздравляю вас. И не стоит меня благодарить. Это всего лишь моя работа. И за это вы мне щедро платите. Но, дело не только в деньгах, – проникновенно проговорила, – я правда считаю, что судья вынес честное решение. Справедливое. Вы заработали огромное состояние. Неправедливо вашей жене приходится на всё готовое и забирать.

В очередной раз безупречно выполнила работу. Не позволила высокомерной девице ободрасть, как липку бывшего супруга.

Непроизвольно усмехнулась.

А девочка не промах. Приехала в столицу из провинции и обладая отличными внешними данными и совершенно не обременённая моральными и нравственными качествами, она быстро поймала в свои сети богатенького папика. Только вот эта девица не предусмотрела, что богатый папик себя подстраховал.

Эх, девочка! Надо всё просчитывать на два шага вперёд...

Илья Николаевич сопровождал меня в гардероб и галантно помог надеть пальто.

– Валерия Владимировна, я вами восхищаюсь. Моя дочь оказалась совершенно права. Вы настоящая богиня в судебном процессе. И как вы всё успеваете. У вас своя адвокатская кантора, при этом вы лично участвуете в судебных заседаниях, да ещё и иногда студентам преподаёте.

Мой клиент восторженно развёл руками.

– Мне с вами несказанно повезло. Вы для меня огромная удача.

Кокетливо завязала платок на груди.

– Адвокатская деятельность – это моя работа, которая приносит мне доход. А студенты, – нежная улыбка коснулась моих губ, – это для души. Я всегда говорю студентам, которые хотят стать адвокатами, что лучшее, что они могут сделать, — это найти адвокатов, которым они восхищаются, пойти в суд и наблюдать за ними в различных судебных процессах. Я также советую студентам стать волонтерами в фирме, частью которой они хотят стать. Да, это означает без денег, и сделать себя там настолько бесценными, чтобы их в конечном счёте наняли.

Илья Николаевич с искренним восторгом посмотрел на меня.

Неторопливым шагом вышли на улицу.

Глубоко вдохнула свежий воздух и угрюмо посмотрела на мрачное небо, которое затягивали серые, хмурые тучи.

– Валерия, простите мою настойчивость, но, может, сходим в кафе. Кофе выпьем. Мне бы хотелось с вами пообщаться в спокойно обстановке. Без лишних глаз и ушей.

Оторвала взор от неба и посмотрела на мужчину.

– Вы дело выиграли. А собираетесь отмечать это знаменательное событие кофе? – Немного шаловливо приподняла брови. – Разве так можно?

Илья Николаевич засиял.

– Хотел предложить, но не осмелился, – моментально воскликнул он, – но сейчас ещё утро. Посчитал неуместным. Может, тогда вечером встретимся? Я избавился от этой дряни. Вы правильно подметили. Знаменательное событие, – проказники-чёртики запрыгали в его глазах. – Которое стоит помпезно отметить. В ресторане с дорогим шампанским. Нет, даже не так, с самым дорогим шампанским и прекрасной дамой, – мужчина приподнял мою руку и трепетно, едва дыша, поцеловал мою руку.

Удивительно! Этого старого ловеласа жизнь ничему не учит... Не успел развестись с женой, а уже наводит мосты. Да. Такова мужская сущность. Они гораздо легче переживают разрыв с женщиной.

– Лера, – внезапно за спиной раздался голос Ворошилова.

Повернула голову.

Дмитрий спешно захлопнул автомобильную дверь и быстрым шагом направился ко мне.

– Доброе утро.

– Доброе, – взволнованно пролепетала.

Чёрт! Что-то произошло?

Тревожные чувства резанули сердце.

– Здравствуйте, – поприветствовал Илью Николаевича мой мужчина и протянул руку.

– Здравствуйте.

Озадаченно захлопала ресницами.

– Дима, ты что здесь делаешь? Что-то случилось?

Ворошилов безмятежно, отрицательно помотал головой и, по-хозяйски обняв меня за талию, бережно прижал к своему телу, явно давая понять, что принадлежу ему и у Ильи Николаевича нет никаких шансов.

Может почаще вызывать у него чувства ревности. Это стимулирует проявление мужских черт, которые мне иной раз так не хватает Дмитрию.

Можно влюбиться из одной только ревности.

Не ревнуют в трёх случаях: когда не имеют никаких шансов обладать; когда уверены в себе и когда любят.

– Приехал позавтракать с тобой, – непринуждённо заявил Ворошилов. – Ты против? – Его лукавый взгляд упал на меня.

Илья Николаевич, ощущая, что является третьим лишним, негромко покашлял, привлекая наше внимание.

– Не буду больше занимать ваше время, – Илья Николаевич сразу понял, что ловить ему нечего и нужно ретироваться. – Ещё раз благодарю вас, – мужчина приподнял мою руку и поцеловал. – И Валерия Владимировна, моё предложение остаётся в силе.

– Обращайтесь, – весело проговорила я.

– Валерия Владимировна, я вами, бесспорно, восхищаюсь, но очень надеюсь, что следующая моя супруга окажется одной-единственной и мне больше не потребуется юрист.

Усмехнулась.

– На свадьбу не забудьте позвать, – крикнула ему в спину. – Так. Дима, что случилось? – Посмотрела на Ворошилова.

Прекрасно понимала, что вечно занятый, деловой Дмитрий Львович ни за что бы просто так не явился позавтракать со мной.

Дмитрий плавно убрал от меня руку и немного отстранившись, угрюмо свёл брови и, опустив глаза, промолвил, – я не смог договориться с Морозовым. Этот упрямый баран упёрся рогами.

Измученно округлила глаза. Невероятно! Даже не думала, что Дима попытается поговорить с Морозовым.

– Ты же не хотел с ним разговаривать? – Машинально сорвался вопрос с моих губ.

Мужчина угнетённо помотал головой и, расположив руки на бёдрах, медленно приподнял любящий, ласковый взгляд на меня.

– Не хотел. Но не смог остаться в стороне, – он сделал шаг вперёд. – Я тебя очень люблю. Ты моя женщина. Ты и Лиза - моя семья, но, – печаль и вина отразились в его глаза, – я так ничего добиться не смог. Морозов послал меня. Зря только время потерял. Ты же его знаешь. Морозов хладнокровный, как змея. Ему плевать на чужие чувства и эмоции.

Отчаянно замотала головой и молниеносно схватила мужчину за руки. Расстроилась, что Морозов, в очередной раз, проявил себя как мерзавец, безумно волновалось за дочь, но точно не винила Ворошилова. Он перешагнул через свою гордость, ради меня пошёл на унижительный разговор, наверняка получил огромную порцию оскорблений, но...

– Ты, когда с ним говорил?

– Вчера поздно вечером.

Ехидно ухмыльнулась, представляя высокомерную, самодовольную физиономию Морозова.

– Почему ты мне не позвонил?

Ворошилов бережно убрал руку из-под моей ладони и ласково провёл по щеке.

– Поздно уже было. Не стал тебя лишний раз беспокоить.

Испытывала огромную благодарность к Дмитрию. Именно благодарность... Только лишь благодарность...

Наша пара, к сожалению, неизбежно столкнулась с первым кризисом. Вижу, что Ворошилов не такой идеальный, как казалось изначально.

Если вспышка влюблённости миновала, а отношения всё же есть, тогда возникает вопрос, какую потребность человек удовлетворяет в этом союзе. Возможно, это потребность во внимании, безопасности, в сексуальном удовлетворении или всё та же потребность в любви. И тогда, если порассуждать над вопросами «что отношения дают мне?», «чего я ожидаю от Дмитрия?», появятся варианты, как это можно реализовать другим способом, не залипая в отношениях, которые хочется прекратить. Появляется свобода.

– Спасибо тебе.

– За что? Я же так ничего не смог сделать.

Улыбнулась.

– Это не главное. Ты попробовал. Не отказал в помощи.

Сейчас я говорила с Дмитрием, как со старым добрым другом, но далеко не как с возлюбленным... Он достойный мужчина, только вот мне не подходит. Нет в нём мужества, власти, мужской силы, характер слишком мягкий...

Есть одно непоправимое слово и дело: разлюбил. Или разлюбила. Когда любил человек, а потом разлюбил. Это окончательное слово, как "умер". Если на самом деле разлюбили, по настоящему, навсегда.

Если не любил человек - он ещё может полюбить, ещё есть мизерный, но шанс. А если разлюбил - нет ни малейшего шанса, что снова полюбит.

Это пролитое молоко и разбитый вдребезги кувшин. Письмо, сожжённое дотла, до пепла и праха, развеянное по ветру. Это живое, которое стало мёртвым. Окончательно мёртвым...

Разлюбил - это когда изменился запах того, кого раньше любили. И разлюбленный человек стал пахнуть мясным супом, так рассказала одна девушка. Станным таким запахом. Не

гадким. Просто супом, бульоном. И хочется отодвинуться, когда он прикасается. Не противно прикасается, нет. Но хочется отодвинуться.

И отодвигаются - всё дальше и дальше, даже если спят в одной постели. Инстинктивно, как от чужого, с которым приходится делить ложе. Ну, бывает такое в жизни, когда приходится спать рядом с чужим. Со знакомым или родственником, но с чужим.

Из любого состояния, почти из любого, можно выйти. Из гнева, раздражения, обиды, ненависти. Из разочарования. Из усталости от человека. Из временного увлечения кем-то другим. А из "разлюбил" выйти нельзя. Это смерть любви, вот что такое "разлюбил".

Тут бесполезно что-то делать, стараться, меняться, искать общий язык, говорить и обсуждать. Всё можно исправить, кроме "разлюбил". Это химия. Физика. Это шаг за предел, откуда не возвращаются.

И объяснить "разлюбил" человек даже себе не может, поэтому начинает обвинять того, кого разлюбил. Дескать, это он убил мою любовь! Он виноват! Или она виновата!

Может, и виноват. Это уже неважно. И искать причины иногда бесполезно. Это не ссора, не обида, не временное охлаждение, не усталость. Это когда пахнет мясным супом.

И уши у человека неприятно шевелятся, когда он говорит. И на щеке прыщик. И голос такой, неприятный... Раздражающий голос. А самого любимого прежде человека нет. Уши, прыщик и надоедливый голос...

Такое может случиться; как смерть. Слабые люди обвиняют того, кого разлюбили. Сильные обвиняют себя.

Но как со смертью - некого иногда обвинять. Просто случилась утрата и несчастье. Любовь умерла. И надо как-то пережить это, как переживают утрату: поддерживая и прощая.

Надо беречь Любовь. А если она умерла, надо проявить уважение и сохранить память. Это большая утрата - когда уходит любовь. И надо стараться не убивать её, беречь и лелеять, но об этом иногда вспоминают слишком поздно...

Есть Истинная Любовь - она не умирает, пока жив тот, кто любит. Но встречается бессмертная любовь исключительно редко. Это любовь матери к ребёнку; между взрослыми мужчинами и женщинами такая любовь-чудо. А обычная любовь может умереть, если её не любить и не заботиться о ней, как мать заботится о ребёнке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.